РОДИНА

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ ДЛЯ СЕМЕЙНАГО ЧТЕНІЯ

№ 52. 25-го Декабря 1905 г. XXVII-й годъ изданія

Редакція, главная контора и отдѣленіе:
С.-ПЕТЕРБУРГЪ. 1) Лиговская, соб. д., № 114. 2) Садовая ул., домъ № 20.

ИЗДАНІЕ А. А. КАСПАРИ.

Отдѣленіе главной конторы „РОДИНА“:
МОСКВА: Петровскія линіи, противъ гостиницы „Россія“, магазинъ № 12.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА ЗА ГОДЪ: Безъ доставки въ С.-Петербургѣ **5** р. | Съ доставкой въ С.-Петербургѣ **5** р. **50** к. | Безъ достав. и въ Москвѣ **5** р. **25** к. | Съ пересылкой по всей Россіи **6** р. | За границу **10** р.

Съ пересылкой по всей Россіи за 6 мѣсяцевъ **3** р., за 3 мѣсяца 1 р. **50** к., на 1 мѣсяцъ (безъ приложен.) **50** к.

Разсрочка допускается: при подпискѣ **2** р., 1-го марта—1 р., 1-го іюня—1 р., 1-го августа—1 р. и 1-го сентября—1 р.

Главная контора издательства А. А. КАСПАРИ покорнѣйше проситъ гг. подписчиковъ

ПОСПѢШИТЬ ВОЗОБНОВЛЕНІЕМЪ ПОДПИСКИ

на иллюстрированный журналъ и газету „РОДИНА“ и новый журналъ „КОВЪ“ съ книгами „Всеобщая библіотека“,

чтобы не произошло замедленія въ полученіи первыхъ номеровъ 1906-го года, такъ какъ заготовка и провѣрка огромнаго количества адресовъ, поступающихъ въ концѣ года при подпискѣ, требуетъ отъ конторы массу труда и времени.

При высылкѣ денегъ контора покорнѣйше проситъ приклеивать къ письмамъ и переводамъ **печатные адреса,** по которымъ получается журналъ, а въ случаѣ неимѣнія ихъ, писать адреса какъ можно яснѣе и разборчивѣе.

ГИМНЪ РОЖДЕСТВУ. Съ картины І. Г. Виттъ.

Свѣтъ міра.

I.

Былъ вечеръ. Спустилася темная мгла
И тѣни сгустились ночныя.
И Дѣва Марія съ Іосифомъ шла,
Покинувъ равнины родныя.
И дологъ, томителенъ путь былъ для нихъ;
Покорные Цезаря волѣ,
Они, какъ и всѣ, изъ селеній своихъ
Шли тихо дорогой средь поля.
Вдали загорѣлись узорнымъ ковромъ
Блестящіе звѣзды съ привѣтомъ
И ярко съ востока горѣла на немъ
Звѣзда ослѣпительнымъ свѣтомъ.
Она Виѳлеемъ освѣтила собой,
Поля освѣтила, равнины
И лучъ свѣтозарный, блистающій свой
Послала на горы, долины.
Іосифъ съ Маріей устали и шли,
Свернувши въ сторонку съ дороги,
Туда, гдѣ работники стадо пасли,
Несли ихъ усталыя ноги.
Пристанище есть, въ немъ солома мягка.
И въ сумракѣ тихомъ средь ночи
Марія вздохнула, привстала слегка,
Слезами наполнились очи.
То радости слезы. Исполнились тѣ
Отъ древнихъ пророковъ сказанья
О явленномъ міру Младенцѣ Христѣ,
О свѣтломъ вѣнцѣ мірозданья.
Въ убогомъ хлѣву, на соломѣ простой
Родился Христосъ Свѣтозарный
И громко прославилъ мигъ этотъ святой
Всѣхъ ангеловъ хоръ благодарный.

II.

На Галилейскомъ озерѣ въ смятеньѣ рыбаки,
Все озеро взволновано, какъ море.
Рыбацкіе, какъ пухъ, оно бросаетъ челноки,
Реветъ и плещетъ въ бѣшеномъ задорѣ,
Бушуетъ вѣтеръ на горахъ, бушуетъ средь тѣснинъ.
Народъ пескомъ и пылью покрываетъ.
Народъ-же ждетъ, что вотъ къ нему придетъ Раввинъ—
Его, Христа, Раввина ожидаетъ.
И Онъ пришелъ. На Немъ нѣтъ пышности одеждъ,
Онъ босъ и лишь въ глазахъ Его сіянье
И Онъ даетъ народу тысячи надеждъ,
Что успокоитъ моря колыханье.
На берегу Онъ всталъ. Онъ весь горячей вѣры полнъ,
Горятъ огнемъ Божественные взгляды.
Простеръ Онъ руки надъ бушующей пучиной волнъ—
И вѣтеръ стихъ, и водъ легли громады...
А Онъ идетъ. Его спокоенъ, ласковъ взоръ.
На лодку сѣлъ Онъ между рыбаками
И смолкнули кругомъ и шумъ, и разговоръ,
Лишь плещетъ озеро утихшими волнами.
— «Равви! — чуть слышно прошепталъ одинъ изъ рыбаковъ,—
Кто Ты, что властвуешь такъ надъ природой
И свѣтлый солнца лучъ намъ шлешь издалека,
И борешься съ безумной непогодой?
Пророкъ, Мессія Ты? Кого народъ такъ долго ждетъ,
О Комъ евреи столько лѣтъ мечтали,
Скажи, Ты—Онъ? Веди-же насъ впередъ!»
Глаза Равви полны были печали.
Онъ всталъ. Расправивъ прядь отъ вьющихся волосъ,
Взглянулъ на всѣхъ съ тревогой и любовью
И, руку приподнявъ, чуть слышно произнесъ:
— «Я—Тотъ, Который заплачу за ваше счастье кровью.
Я смертью искуплю раздоръ, кровавый пиръ
И передамъ любви Своей завѣты,
И къ жизни возвращу развратный этотъ міръ,
Что позабылъ предъ Господомъ обѣты!
Я—не пророкъ! О, нѣтъ! Я посланъ отъ небесъ
Во многогрѣшную земли обитель,
И данъ Мнѣ даръ свершить дѣла и рядъ чудесъ,
Свершить что въ силахъ Вседержитель!
Я посланъ Имъ!»—Равви умолкъ. Его черты
Сіяютъ, истинной любовью полны,
Сіяютъ благами небесной красоты,
И отражаютъ ихъ утихнувшія волны.

III.

Въ саду Геѳсиманскомъ стоитъ тишина
И темно въ Кедронской долинѣ,
Апостолы встали тревожно отъ сна—
Свершается что-то здѣсь нынѣ.
Вдали, опустившись на камень простой,
Сіяньемъ луны озаренный,
Блистая невинной Своей красотой,
Христосъ на мольбѣ потаенной.
Среди кипарисовъ, среди тополей,
Гдѣ зелени пышной такъ много,
Онъ къ Богу возносится мыслью Своей
И милости проситъ у Бога.
Но нѣтъ, не Себѣ. Онъ спокойно идетъ
На крестную смерть и страданье.
Нѣтъ, молится Онъ за безпечный народъ,
За цѣлость Господняго зданья.
И слезы текутъ изъ Божественныхъ глазъ,
И землю собой прожигаютъ,
И слышитъ Онъ съ неба торжественный гласъ—
Онъ къ смерти Христа призываетъ:
— «Умрешь за народъ, Мой Возлюбленный Сынъ,
Грѣхи его смоешь Ты кровью,
Но скроется время тяжелыхъ годинъ
И Ты съ обаяньемъ, съ любовью
Изъ праведныхъ Чистый, укажешь Ты путь
Къ той жизни желанной загробной,
Гдѣ можетъ народъ отъ грѣховъ отдохнуть,
Забыться отъ жизни, отъ злобной».
— «Пора!»—прошепталъ, поднимаясь Христосъ.
Мгла ночи легла надъ Кедрономъ.
И крестъ Свой Спаситель спокойно понесъ
На судъ передъ синедріономъ.

IV.

Зноенъ день. Полна Голгоѳа.
Здѣсь и римлянинъ, еврей,
Но не славятъ Саваоѳа
Въ этотъ страшный день изъ дней.
По дорогѣ, въ гору, пыльной
Шелъ измученный Христосъ,
На плечѣ Своемъ безсильномъ
Онъ тяжелый крестъ Свой несъ.
У Страдальца гнулись ноги
И кровавый падалъ потъ.
На Голгоѳу по дорогѣ
Провожалъ Его народъ.
Всюду слышны шутки злыя,
Слышенъ смѣхъ. Идетъ Христосъ
И глаза Его впервые
Были полны горькихъ слезъ.
Вотъ Голгоѳа. Крестъ поставленъ,
Пригвожденъ къ нему Христосъ,

Тотъ, Кто былъ когда-то славленъ,
Тотъ, Кто миръ народамъ несъ.
—«Боже!—шепчетъ Пригвожденный,—
Ты, вѣдь, добръ и ихъ прости,
Я, Тобою осужденный,
Ихъ грѣхи готовъ нести.
Пусть Моей омыты кровью,
Помнятъ всѣ изъ вѣка въ вѣкъ,
Что лишь правдой и любовью
Будетъ силенъ человѣкъ,
Что лишь въ нихъ одно спасенье,
Въ нихъ лишь Божья благодать,
Что онѣ благоволенье
Могутъ грѣшникамъ снискать!»
И на небо взоръ Свой кроткій
Пригвожденный устремилъ,
И чрезъ мигъ потомъ короткій
Духъ Свой чистый испустилъ...

V.

Ликуетъ, волнуется Римъ,
Народъ проситъ зрѣлищъ и хлѣба,
А тучи спустились надъ нимъ
И тьмой охватили полнеба.
И зрѣлище римлянамъ далъ
Ихъ цезарь развратный и властный:
Въ пожарѣ весь Римъ запылалъ,
Пожаръ во дворцѣ прославлялъ
Тиранъ своей пѣсенью страстной.
Пылаютъ дворцы. Бѣдняки
Бѣгутъ изъ роскошнаго Рима.
Вздымаются волны у Тибра рѣки
Отъ пламени, искръ и отъ дыма.
Виновникъ пожаровъ найденъ,
Народъ расправляется съ ними
И снова голгоѳскій здѣсь путь совершенъ,
Христа прославлявшими Имя.
Но правда возстала изъ нѣдръ вѣковыхъ:
Надъ Римомъ кресты засіяли
И сонмы замученныхъ римлянъ святыхъ
Къ престолу Господню предстали.

VI.

Лѣсисты горы. Средь равнинъ
Ковыль чуть шепчетъ золотистый.
Кругомъ просторъ и ширь долинъ,
Течетъ тамъ Днѣпръ широкій, чистый...
Холмы разбросаны кругомъ,
Овраги съ поросллю дубовой
И солнце ласково лучемъ
Играетъ съ зеленью вишневой.
Былъ чудный день, а плески волнъ,
Шепчась съ пескомъ и камышами,
Вели разсказъ и былъ онъ полнъ
Для береговъ тѣхъ чудесами:
«На холмѣ, среди дубравы,
Гдѣ шумитъ зеленый лѣсъ,
Появился разъ суровый
Старецъ, свѣтлъ, какъ лучъ небесъ.
Былъ съ нимъ крестъ. Его поставилъ
На крутомъ онъ берегу
И кого онъ пѣсней славилъ,
Разсказать я не могу.
Говорилъ, на этомъ мѣстѣ
Будетъ городъ заложенъ
И что будто лѣтъ чрезъ двѣсти
Храмъ Христовъ сооруженъ».
Исполнился старца завѣтъ:
Бѣжали года за годами,
Изъ Кіева шелъ православія свѣтъ
Съ соборовъ съ златыми главами...

VII.

Пришли въ Москву, кто былъ призванъ,
Пришли съ надеждой и тоскою.
Винился Грозный Іоаннъ
Предъ всею выборной Москвою.
Христомъ клянется править онъ
Отнынѣ праведно страною,
И по Москвѣ несется звонъ
Колоколовъ церквей волною.
— «Да будетъ мнѣ Іисуса свѣтъ
Горѣть всегда во мракѣ ночи!
И я даю теперь обѣтъ
И гляну всѣмъ правдиво въ очи,
Что порѣшитъ теперь соборъ,
Все то я Руси завѣщаю,
И въ ней смету весь лишній соръ!
Клянусь Христомъ и обѣщаю!
Пусть не клянетъ меня Христосъ,
Что не сдержу я будто слова...
Собору клятву я принесъ
И клятва та—Руси основа.

VIII.

Царь Грозный умеръ Іоаннъ.
Пошли крамолы, бѣды...
Обѣтъ, что былъ въ соборѣ данъ,
Врагамъ принесъ побѣды.
Была вся кровью залита
Москва съ монастырями
И только благостью Христа
Осталася за нами.
Прошли годины грозныхъ бѣдъ...
Москва престольной стала,
Исполненъ Грознаго завѣтъ;
Легко Русь задышала.
Помогъ Распятый въ этомъ ей;
Неся страданья бремя,
Онъ далъ Руси царя-царей
Въ недужное то время.
Могучъ и властенъ былъ тотъ царь,
Орломъ надъ Русью взвился
И правилъ ею не какъ встарь.
И весь народъ склонился
Предъ молодымъ царемъ, и онъ,
Поднялъ всю Русь родную.
Спаситель былъ среди знаменъ.
Онъ ленту голубую
На флагѣ бѣломъ начертилъ,
Суда спустивши въ море.
Въ заливѣ городъ заложилъ
Своимъ врагамъ на горе.
Ему помощникъ былъ Христосъ
И Матерь Божія основой...
И царь Россію превознесъ
На пьедесталъ незыблемъ, новый!

IX.

Горитъ ужъ надъ Русью сверкающій свѣтъ,
Надъ Русью заря занимается...
Покорный Христу, на призывный привѣтъ
Весь русскій народъ просыпается.
Грядущее съ свѣтомъ несетъ торжество,
Свобода съ зарей загорается...
Привѣтъ тебѣ, Русь! И въ Христа Рождество
Мощь, сила въ тебѣ зарождается!

Ив. Епифановъ.

КЯННЫ *).

Драма рождественской ночи.

Разсказъ К. Искерской.

I.

Холодный порывистый вѣтеръ вздымаетъ желтую песчаную пыль съ узкой тропинки, пролегающей между густыми хвоями и ведущей на крутую гору, гдѣ стоитъ монастырь съ чудотворной иконой Божьей Матери. Впереди, бѣлѣя въ сизой, туманной дали, живописно вырисовывается селеніе Чайкентъ, то скрываясь за безпорядочно наметанными горами и утесами, то снова появляясь въ бархатистыхъ ложбинахъ, отливающихъ изумрудами и золотомъ. Налѣво, сверкая то сталью, то чернядью, стелется большое глубокое озеро, а за нимъ, въ необозримой дали, ныряя въ пышной зелени чинаръ и пирамидальныхъ тополей, яркимъ пурпуромъ блестятъ черепичныя крыши Аджикента, бывшей деревушки, теперь обратившейся въ модное дачное мѣсто, куда съѣзжается вся елизаветпольская знать.

А кругомъ высятся горы, утесы и скалы, поросшіе темными хвоями и золотисто-зеленою лиственицей. Раздѣляющія ихъ долины покрыты пестрымъ ковромъ яркихъ, разнообразныхъ цвѣтовъ. Крупныя шапочки незабудокъ, сверкающіе, какъ золото, лютики, бѣлоснѣжныя лиліи, румяная мальва, пурпурный макъ,—все это смѣшивается въ яркое, нарядное покрывало. Нигдѣ не сказываются такъ опредѣленно, какъ здѣсь, величіе и мощь Создателя, нагромоздившаго одна на другую эти крутизны и обрывы, смѣняющіеся цвѣтистыми луговинами, сверкающими ручьями и шумными потоками.

Солнце только что показалось за синеватою далью вершинъ и тронуло пурпуровымъ блескомъ опаловыя нити тумана, расползавшіяся по желто-зеленымъ скатамъ. Вѣтеръ такъ-же внезапно утихъ, какъ внезапно появился, словно отступилъ предъ властнымъ натискомъ яркихъ лучей, какъ отступаетъ зло предъ добромъ, какъ отступаютъ таинственные призраки ночи предъ свѣтомъ бѣлаго дня.

— Уфъ, слава Богу! Вѣришь-ли, Анна джанъ **), я не могу выносить эти завыванія вѣтра по нашимъ ущельямъ, когда разстаюсь съ кѣмъ-нибудь близкимъ: такъ и кажется, что этотъ вой гонитъ меня назадъ, пророчитъ мнѣ впереди что-то ужасное.

— Какая ты смѣшная, Гюль Джэхнатъ...

— Тише! Мое имя вызоветъ шайтана изъ этого лѣса... Здѣсь я—Рузанъ, какъ звали вашу мать...

— Рузанъ — роза земли; Гюль Джэхнатъ — цвѣтокъ рая. Не все-ли равно?

— О, не шути, Анна джанъ! Мнѣ не до шутокъ. Тамъ, въ Москвѣ, подъ защитой Ашхэнъ и Аршака, я была спокойна и счастлива. А здѣсь... о-о, здѣсь я вѣчно жду удара кинжаломъ... Я прямо вижу его занесеннымъ надъ собой. Аршакъ не хотѣлъ пускать меня сюда...

— И потерялъ-бы тебя навсегда. Сама, вѣдь, говоришь, что послѣ воспаленія легкихъ докторъ грозилъ тебѣ чахоткой, при вашей сѣверной суровой зимѣ. Мой мужъ не давалъ мнѣ покоя послѣ твоего письма: зови да зови ее къ намъ на зиму. Ты знаешь, какъ онъ любитъ Аршака...

— Еще-бы! Единственный братъ. Аршакъ тоже обожаетъ его. Но отпустилъ онъ меня все-таки неохотно.

— Странно. Оставаться тамъ—значило, умереть.

— Ты забываешь, Анна джанъ, что смерть ко мнѣ ближе здѣсь, чѣмъ тамъ, на сѣверѣ.

— Ну, это ты бредишь, Рузанъ. Никто здѣсь не знаетъ фамиліи твоего мужа, никто не подозрѣваетъ о нашемъ родствѣ. Мы такъ скромно, уединенно живемъ, что тебя рѣшительно никто не видитъ. А въ Батумѣ мой мужъ пользуется такою общею любовью, дѣлаетъ такъ много добра, что, живя у насъ, какъ наша родственница, ты должна чувствовать себя въ полной безопасности. Ты труслива и суевѣрна, какъ дитя, Рузанъ; зимою нордъ — обычное явленіе въ этой мѣстности, а ты умираешь отъ страха предъ его воемъ и воображаешь, что онъ гонитъ тебя прочь отсюда, предостерегаетъ отъ какой-то опасности.

— Не смѣйся, Анна джанъ! Вѣрь, что эта опасность виситъ въ воздухѣ. Я окончила Смольный, много читала и прекрасно знаю, что природѣ нѣтъ дѣла до нашихъ людскихъ страстей. Но этотъ вой вѣтра... это обратилось въ какую-то галлюцинацію... я слышу въ немъ какіе-то дикіе, угрожающіе голоса, и мнѣ хочется бѣжать отъ нихъ, закрывъ глаза, зажавъ уши. Виновата я? Ва-а!

— Ты больна, моя бѣдная дѣтка! Я вѣрую въ могучую силу молитвы и потому убѣдила тебя поѣхать сюда, въ Панты. Въ Ганжѣ *) насъ не знаетъ ни одна живая душа, и я рѣшительно не понимаю, чего ты боишься?

— Вѣтра, вѣтра боюсь я, Анна джанъ!

И какъ разъ въ эту минуту свирѣпый, бурный порывъ налетѣлъ на обѣихъ всадницъ, сорвалъ густой сѣрый вуаль, плотно закрывавшій лицо Рузанъ, поднялъ его на воздухъ, закрутилъ жгутомъ и хлестнулъ имъ осыпанное песчаною пылью лицо молодой женщины. Она вскрикнула, пригнулась къ сѣдлу, закрывъ глаза, и силилась поймать похолодѣвшей рукой извивавшійся въ воздухѣ жгутъ.

И вдругъ, какъ-бы въ отвѣтъ на ея крикъ, позади раздался рѣзкій свистъ и громкій хохотъ.

Анна поблѣднѣла и обернулась назадъ; за ними мчались два всадника въ черкескахъ и въ огромныхъ сѣрыхъ папахахъ. Одинъ изъ нихъ пришпорилъ лошадь, поднялся на стременахъ, гикнулъ и промчался мимо, поднявъ облако пыли. Другой едва поспѣвалъ за нимъ, хотя и мчался съ поразительной быстротой. Поровнявшись съ Рузанъ, онъ заглянулъ ей въ лицо и усмѣхнулся, сверкнувъ бѣлыми, какъ сахаръ, зубами.

Анна потянула лѣвый поводъ и въ секунду была подлѣ невѣстки, обезумѣвшей отъ страха. Рука Рузанъ выпустила поводъ и хрупкій, тонкій станъ ея покачнулся, сползая съ сѣдла. Лицо помертвѣло и широко раскрытые глаза какъ-то дико, безсмысленно смотрѣли на исчезавшихъ за горою всадниковъ.

Крѣпко охвативъ станъ невѣстки, Анна удержала ее на сѣдлѣ и вложила ей въ руку поводъ. Ловко поймавъ вуаль, какъ змѣй, извивавшійся въ воздухѣ, она быстро раскрутила его и, снова закутавъ лицо молодой женщины, пришпилила къ вороту его концы крѣпкой англійской булавкой.

Рузанъ безучастно позволяла дѣлать съ собой что угодно; ея грудь тяжело дышала, руки были холодны, какъ ледъ.

— Ну, приди-же въ себя и ѣдемъ скорѣе,—строго сказала Анна. — Всего трусишь! Промчались два одурѣлыхъ джигита...

— О-о, Анна джанъ, Анна джанъ!—стономъ вырвалось у Рузанъ.

Она подняла голову и взглянула на Анну обезумѣвшими отъ ужаса глазами. Ея прелестное молочно-бѣлое лицо свѣтилось, какъ мѣсячный лучъ сквозь сѣрое облако двойного газа; выраженіе глубокаго отчаянья исказило тонкія, словно выточенныя искусной рукою черты. Теперь это уже не былъ инстинктивный, безсознательный страхъ предъ какими-то несуществующими призраками, это были опредѣленный ужасъ, отчаянная рѣшимость, законченность—равная смерти.

— Благодарю, Анна!.. Благодарю за все... за все!... Мой часъ пробилъ... Прощай, сирили **) джанъ!... Прощай!

— Джэхнатъ!... Ай, прости, опять обмолвилась... Рузанъ, моя Рузанъ!

— Ничего... Теперь уже все равно... Да-а-а... Джэхнатъ, змѣя Джэхнатъ, измѣнившая и Пророку, и мужу... Джэхнатъ, достойная...

— Быть высѣченной розгами и поставленной въ уголъ,— чуть не плача шутила Анна. — Чего кричишь, безумная? Забудь ты это несчастное имя твое... Рузанъ ты, Рузанъ! счастье Аршака, гордость его! Ты насъ всѣхъ взяла... мы всѣ обожаемъ тебя... А ты, безсовѣстный, глупый ребенокъ, ты мѣняешь насъ на своихъ... Тебя назадъ тянетъ, къ нимъ...

— Нѣ-ѣтъ, не то, не то, Анна!

Гибкая, какъ тростникъ, Джэхнатъ-Рузанъ выпрямилась, приподнялась на одномъ стремени, ударила хлыстомъ лошадь; стоя на лѣвой ногѣ, она оперлась на шею правымъ колѣномъ, дико крикнула и стрѣлой понеслась впередъ, въ чащу лѣса, окаймлявшаго подножіе ведущей къ Пантамъ горы. Она опомнилась только тогда, когда колючія иглы хвой вцѣпились въ ея вуаль и царапнули ея нѣжную кожу.

«Совсѣмъ дикая,—думала не на шутку испуганная Анна.— О, Аршакъ, нашъ бѣдный, бѣдный Аршакъ!»

Она хлестнула своего коня и понеслась вслѣдъ за невѣсткой. Но догнать ее Аннѣ, конечно, не удалось. Убѣдившись въ этомъ, она натянула поводья и поѣхала шагомъ, увѣренная, что Рузанъ опомнится и вернется къ ней. Въ ней было много благоразумія, какъ во всякой русской женщинѣ, и она никакъ не могла проникнуться необъяснимымъ страхомъ невѣстки.

«Конечно, она вернется... Непремѣнно вернется»,—успокаивала она невольно поднимавшуюся въ душѣ тревогу.

Она не ошиблась: не прошло и четверти часа, какъ Рузанъ уже ѣхала съ нею рядомъ, притихшая, печальная.

Къ удивленію Анны, костюмъ Рузанъ ничуть не пострадалъ отъ бѣшеной скачки; даже вуаль былъ порванъ только на концахъ, и лицо оставалось закрытымъ.

*) «Кянны»—слово татарское, означающее то-же, что итальянская «vendetta», т. е., родовая месть. За нанесшаго обиду прадѣда месть разражается надъ правнукомъ, внукомъ, сыномъ, даже племянникомъ; словомъ — надъ кѣмъ-бы то ни было изъ его рода и кѣмъ-бы то ни было изъ рода обиженнаго.

**) Милая.

*) Елизаветполь.

**) Любимая, душечка.

ПОДЪ РОЖДЕСТВО ВЪ ПУТИ. Съ картины **Э. Кукуэль.**

— Ну что, мое бѣдное дитя? Разобралась въ себѣ? Поняла, наконецъ, что всѣ эти твои страхи были бредомъ разстроеннаго воображенія? Да будь-же ты, наконецъ, христіанкой, вѣрь въ милосердіе нашего Нарождающагося Младенца-Христа; не выдастъ Онъ той, что пришла къ Нему и отдала Ему свое горячее, слабое сердце...

— Молчи!... Молчи, Анна джанъ! Не Ему, вашему Христу... Аршаку, мужу моему любимому я отдала свое сердце! Какое мнѣ дѣло до вашего Бога, когда у меня есть свой? Нѣтъ Бога, кромѣ Аллаха, и Магометъ—пророкъ Его!

— Рузанъ! Не богохульствуй!

— Не богохульствую я. Никогда я не переставала молиться Аллаху, въ этомъ на мнѣ нѣтъ грѣха. Въ ясныя лунныя ночи, когда Аршакъ звалъ меня пройтись по Кремлю, я придумывала какой-нибудь предлогъ, ссылаясь на головную боль, на нездоровье, и, когда онъ уходилъ одинъ, спускалась въ садъ и молилась лунѣ, этому неугасимому факелу Магомета. А вы вѣрили мнѣ! Вы думали, что я могу измѣнить тому, кого привыкла чтить съ дѣтства? Да развѣ я умѣю прощать и смиряться, какъ завѣщалъ вамъ вашъ Пророкъ? Нѣтъ! Мужу я не только измѣнила, я...

Она приблизила свое искаженное лицо къ поблѣднѣвшему лицу Анны и проговорила глухимъ, удушливымъ шепотомъ:

— Мой мужъ оскорбилъ меня, ревнуя къ Аршаку, и я... я за-ду-ши-ла его. Понимаешь? За-ду-ши-ла! — неожиданно крикнула она, переживая ужасную минуту и снова распаляясь страстною ненавистью. — Задушила и убѣжала къ Аршаку въ Тифлисъ изъ Ганжи, гдѣ мы жили. О-о, я любила, любила Аршака! Я люблю его всѣмъ бѣшенымъ сердцемъ, всею кипучею кровью моей! И... не увижу его ни-когда, ни-когда! А-ахъ!

Короткій, болѣзненный стонъ сорвался съ ея губъ.

— Ты лжешь, Рузанъ... Ты клевещешь на себя... воскликнула Анна.

— Нѣтъ! Вѣрь мнѣ... Я тебѣ все сказала. Не христіанка я! Вы всѣ—рабы, смиренные, всепрощающіе, а я... я не умѣю прощать. Слушай... Если Аршакъ женится... я приду къ нему мертвая и вырву его сердце! Оно мое, слышишь, мое!

— Не кричи такъ, безумная!

— Нѣ-нѣтъ... никому я его не отдамъ! за него я погибну... и какъ погибну! Ты не знаешь, какъ умѣютъ мстить наши... А я знаю! Я всегда этого боялась, всегда знала, что это придетъ. И вотъ... пришло. Твердя молитвы предъ вашимъ Пророкомъ, я призывала прощеніе и благословеніе своего. Но... Магометъ — властелинъ и прощать не умѣетъ. И вотъ... онъ не простилъ... онъ показалъ. На другой-же день пришло письмо, въ которомъ твой мужъ, Саркисъ, приглашалъ меня провести лѣто у васъ, въ Алжикентѣ. Я тогда-же почувствовала, что это—воля пророка... что бороться нельзя... Иначе я не пріѣхала-бы.

— И умерла-бы отъ чахотки.

— О, пусть! Умереть въ его объятіяхъ, съ его поцѣлуемъ! Ахъ, какое счастье! Но я не посмѣла не ѣхать. Аршакъ не пускалъ меня... Онъ тоже чувствовалъ, что я уже не вернусь.

— Неправда, Рузанъ! Вернешься и скоро вернешься. Зачѣмъ ты даешь такую волю своему разстроенному воображенію?

— Нѣтъ, Анна джанъ! Это—кончено... кончено! Смотри... Солнце въ крови... это—моя кровь...

Она указала на окраину неба: туманъ дополз до вершины горы, поднялся надъ нею и въ его опаловыхъ слояхъ солнце приняло пурпуровый отблескъ.

— Какъ вы всѣ фантастичны, восточныя женщины! Разсѣется туманъ и солнце снова заблеститъ радужными лучами. Умѣрь свое воображеніе, дорогая Рузанъ; не мучь меня, не пугай!

Нервы Анны не выдержали. Она прикрыла рукою глаза и крупныя свѣтлыя слезы скатились съ ея поблѣднѣвшихъ щекъ.

— Плачь, Анна, плачь! Еще не такъ будешь плакать. Ты слышала его смѣхъ? Это Софаръ Али... братъ моего перваго убитаго мужа. Когда Шюкюръ взялъ меня въ жены, Софаръ вскочилъ на коня, захохоталъ и уѣхалъ далеко, на цѣлые годы. Онъ самъ любилъ меня и уѣхалъ, чтобъ не мѣшать брату, не проклинать его счастья. Но его проклятіе издали тяготѣло надъ нами: я встрѣтила Аршака, полюбила его,—и участь Шюкюра была рѣшена.—Она перевела духъ, и продолжала взволнованнымъ шепотомъ:—Софаръ былъ убитъ въ схваткѣ между шіитами и суннитами на праздникѣ Байрама. Говорятъ, онъ искалъ смерти. Еще раньше, во время Шахсэ-Вахсэ, онъ нанесъ себѣ глубокую рану въ горло, и эта залеченная рана снова открылась предъ смертью. Значитъ, онъ ушелъ въ рай Магомета и пророкъ вернулъ его на землю наказать измѣнницу. Я его узнала... узнала его смѣхъ... О, Анна джанъ! Мужу, брату своему, онъ могъ отдать; меня, но Аршаку, христіанину, считающему насъ за «нагялъръ» *), за «итъ-хляри» **), Софаръ Али отдать меня не могъ. И вотъ... онъ пришелъ за мною... по волѣ пророка... И ты вернешься домой одна!

Рузанъ умолкла и ѣхала молча, предоставляя лошади полную волю идти, какъ она хочетъ. Чувствуя, что задыхается, она вынула булавку, укрѣплявшую ея вуаль, отдала ее Аннѣ, несмотря на протестъ послѣдней, и ѣхала, не глядя по сторонамъ, съ открытымъ лицомъ, ко всему равнодушная, безъ протеста отдавшаяся волѣ пророка.

А солнце подымалось все выше; облака таяли въ небесной лазури и вѣтеръ улегся на покой, словно утомился бурной работой ночи. Пѣшеходы, утомившіеся и запыленные, съ нескрываемою завистью смотрѣли на двухъ амазонокъ, медленно поднимающихся на крутую гору и даже минующихъ тропинку, проложенную спиралью, чтобъ уменьшить крутизну. Амазонки ѣхали прямо, надѣясь на привычку и силу своихъ коней, и, конечно, очутятся въ монастырѣ раньше ихъ, потратившихъ столько и труда, и времени.

А какъ хороши онѣ были, какъ оставляли за собою всю ту молодежь, которая шла сегодня въ Понты, чтобы вымолить себѣ жениховъ и счастья въ будущей супружеской жизни! Одѣтыя въ теплыя амазонки изъ толстаго сѣраго велютина, плотно облегавшія ихъ тонкія таліи, обѣ всадницы были такъ хороши, такъ изящны, что нѣкоторымъ изъ встрѣчныхъ западало въ голову: не изъ высочайшихъ-ли особъ эти двѣ красавицы, пріѣхавшія инкогнито почтить мѣстную святыню? Это предположеніе, переходя изъ устъ въ уста, смиряло невольную зависть, смягчало озлобленіе.

Онѣ и точно походили на аристократокъ, въ особенности та, у которой не было кровинки въ бѣломъ, какъ мраморъ, лицѣ, и глубокіе черные глаза такъ трагично глядѣли изъ-подъ длинныхъ, пушистыхъ рѣсницъ. Что-то загадочное было въ ней, невольно заставлявшее смотрѣть на нее и стремиться разгадать ея тайну.

Были въ числѣ богомольцевъ и такіе, которымъ больше нравилась другая амазонка, то и дѣло заставлявшая гарцовать свою лошадь и смѣло глядѣвшая всѣмъ въ глаза. Румяная, хорошенькая блондинка, съ золотистымъ отливомъ толстыхъ косъ, сверкающими петлями спускавшихся на тонкую бѣлую шею, съ большими глазами цвѣта морской волны, съ тонкими чертами и маленькимъ, алымъ ртомъ, — она представляла собою полный контрастъ своей спутницѣ; такъ много жизнерадостности было въ ея миловидномъ, открытомъ лицѣ, что за нею исчезала та тревога, которая минутами вспыхивала въ ея блестящихъ глазахъ. Молодая, счастливая, Анна не умѣла надолго отдаваться какому-бы то ни было огорченію, въ особенности если это огорченіе, какъ въ данномъ случаѣ, не имѣло реальнаго основанія. И въ самомъ дѣлѣ, развѣ можно было придавать серьезное значеніе мрачнымъ предчувствіямъ такой романтической фантазерки, за какую она знала Рузанъ? Видя, что молодая женщина успокоилась, Анна отдалась праздничному настроенію дня и скоро совершенно развлеклась видомъ все прибывавшей толпы.

Но какъ-бы жестоко ошибся тотъ, кто рѣшился-бы на основаніи этихъ видимыхъ данныхъ судить Анну Мисюрьянцъ (урожденную Макшееву), какъ женщину легкомысленную. Во всей Европѣ не найдется женщины, въ которой было-бы заложено столько разнообразныхъ чертъ, столько противорѣчій, какъ въ русской женщинѣ. Кокетка на балу, героиня на войнѣ, сестра милосердія подлѣ страдающаго, заботливая мать, внимательная хозяйка и любящая товарищъ-жена, — все это можетъ совмѣщаться въ одной русской женщинѣ и все это совмѣщалось въ Аннѣ. Обладая недюжиннымъ умомъ и серьезнымъ развитіемъ, она сумѣла подойти къ той чужой народности, въ которую ее бросила судьба. Сдѣлавшись женой армянина, она черезъ два года замужества не только владѣла разговорнымъ армянскимъ языкомъ, но изучила и языкъ литературный, и даже взяла на себя не легкую задачу познакомить русскую интеллигенцію съ корифеями армянской литературы. Ей было все мило, что такъ или иначе примыкало къ армянамъ. Прежде любимое перловое пюре она находила невкуснымъ и пѣснымъ предъ армянской чихартмой; тетерьки и рябчики казались ей безвкусными, сравнительно съ луковой чохохбили. Праздникъ Рождества Христова она перенесла съ 25-го декабря на 6-е января и разговлялась въ Страстную Субботу, не дожидаясь православной заутрени. Даже пыльные, знойные Моштоги, гдѣ ей пришлось прожить свое первое лѣто на Кавказѣ, показались ей милѣе живописнаго Павловска, Петергофа, Сокольниковъ и Петровскаго парка, гдѣ прошли ея золотые дѣтскіе годы. Съ однимъ только она не могла помириться, это съ армянской женщиной. Старухи-кекелы были

*) Проклятыхъ.
**) Собакъ.

узки, грубы, эгоистичны, корыстолюбивы и злы на языкъ; молодыя приняли лоскъ внѣшней культуры, но внутри оставались пружинными куклами, попугаями, повторяющими чужія умныя слова, и рѣшительно отказывались отъ выраженія своего мнѣнія, своей критики, слѣпо заучивали мнѣнія мужей, отцовъ и братьевъ. Идти подъ вѣнецъ съ нелюбимымъ человѣкомъ, продаться за чины, капиталы и титулы — это считалось не только нравственнымъ, но прямо необходимымъ; а сойтись съ человѣкомъ по самой искренней, чистой любви, значило—вызвать общественное негодованіе и встать въ ряды чуть не потерянныхъ женщинъ.

Анну армянскія дамы возненавидѣли уже за то, что она—русская; онѣ не понимали ея подвижной натуры, ея смѣлаго ума, ея открытаго сужденія. Анна не чувствовала къ нимъ непріязни; но ей было просто скучно въ ихъ обществѣ и она избѣгала его, насколько могла.

Зато какъ-же обрадовалась она обществу Рузанъ, умной, оригинальной и смѣлой женщины, не подчинявшейся ничему заказному, шаблонному. Эта красавица-татарка, окончившая курсъ въ одномъ изъ лучшихъ петербургскихъ пансіоновъ, усвоила все, что есть лучшаго въ европейской культурѣ, и осталась вѣрна лучшимъ традиціямъ своего племени. Изъ нея выработалось, такимъ образомъ, существо сильное, самобытное, смѣлое и оригинальное. Она понимала Анну съ полуслова, какъ Анна не понимала ея. И если-бъ Анна могла предвидѣть, что ожидаетъ ея дорогую подругу-сестру, понтскіе богомольцы ужъ, конечно, не видали-бы у нея ни такой веселой усмѣшки, ни такихъ блестящихъ, насмѣшливыхъ глазъ. Но она любила Рузанъ, не понимая ея. А ужъ теперь, послѣ откровенной исповѣди невѣстки, Анна стала понимать еще меньше эту сложную организацію, эту удивительную психику, въ которой и опытному мыслителю трудно было разграничить, гдѣ начинается добро и гдѣ кончается зло.

Обычная логика женщинъ не допускаетъ существованія того, что не присуще имъ самимъ, и Анна, изъ женщинъ — женщина, какъ называлъ ее мужъ, не умѣла понять, какъ можетъ Рузанъ чтить Магомета, когда Аршакъ поклоняется Христу? Для Анны и религія, и этика, и всѣ интересы заключались въ любви къ мужу, и внѣ этой любви не было ни жизни, ни счастья. Можетъ быть, она полюбила-бы и армянскую женщину, если-бъ ея обожаемый Саркисъ не повторялъ ей безпрестанно: «Не понимаю, о чемъ ты находишь говорить съ этими кекелами? Гимназіи пообтесали ихъ, правда, но, соскобли этотъ глянецъ, и изъ-подъ него выглянутъ тѣ-же «дэды» и «дыдэды», съ ихъ алчностью, завистью, злостью и чванствомъ. Слѣпо вѣря мужу и въ мужа, Анна была очень рада, что онъ, такъ сказать, разрѣшилъ ей не любить армянской женщины, къ которой у нея и такъ не лежала душа; но, если-бъ онъ тяготѣлъ къ нимъ, Анна тоже подняла-бы ихъ на извѣстную высоту и стала-бы искренне восхищаться и ихъ корректностью, и скромностью, и ужъ нашла-бы чѣмъ. Начни ея Саркисъ поклоняться идоламъ, возможно, что она нашла-бы и этому оправданіе и объясненіе.

Не такова была Рузанъ. Полюбивъ больше жизни Аршака, она пошла для него на преступленіе, бросила для него все. Но религіи она не могла измѣнить и предпочла обманъ и ложь этой измѣнѣ. При этомъ она разсуждала такъ:

«Своего пророка грѣшно обмануть, но обмануть чужого ради своего, это—не только не грѣхъ, а подвигъ, заслуга».

Только сегодня впервые ей показалось, что она поступила безчестно и что Магометъ накажетъ ее за это. Вѣдь, какъ-бы тамъ ни было, а «Исса»—все-таки святой человѣкъ и, стало быть, братъ Магомета.

«Развѣ можно дѣлать игрушку изъ чужой религіи?»—думала она и тутъ-же рѣшила, что поступила дурно, безчестно и вѣроломно.

— Рузанъ, смотри, какой дивный видъ, какая божественная картина!—указала Анна на разстилавшійся предъ ними пейзажъ, и точно, полный величавой, дикой прелести.—Подбодрись, Рузанъ... Возьми себя въ руки... На насъ всѣ смотрятъ... Стыдно тебѣ быть такой малодушной.

Укоризненно посмотрѣла на нее Рузанъ: ей было не до красокъ природы, несчастной преступницѣ, проникновенно и увѣренно прощавшейся со своей молодой жизнью. Не замѣчала она и того, что всѣ любуются ею, что изъ всѣхъ встрѣчныхъ нѣтъ ни одного, который при видѣ ея не ахнулъ-бы отъ восхищенія. Да и трудно было не восхищаться ею: лучшей модели для лика Мадонны не нашелъ-бы ни Мурильо, ни Рафаэль. До прозрачности нѣжное и бѣлое лицо, съ тонкими чертами, съ болѣзненно-страдальческой улыбкой миніатюрнаго рта, удовлетворило-бы самаго строго цѣнителя тонкой восточной красоты. Черные бархатные глаза были такъ велики и такъ скорбно глядѣли изъ-подъ длинныхъ, пушистыхъ рѣсницъ. Синевато-черныя косы, свернутыя на шеѣ тяжелымъ узломъ, оттягивали назадъ эту гордую головку, смягченную выраженіемъ глубокой печали. Никогда Матерь Божія, рыдающая у подножія Креста, не находила Себѣ лучшаго воплощенія. Рузанъ рѣдко улыбалась, но тотъ, кому удавалось вызвать ея улыбку, не могъ ее забыть, не могъ остаться къ ней равнодушнымъ.

— Знаешь, Рузанъ, что пришло мнѣ въ голову?

— Ну?

— Не уѣхать-ли намъ на югъ Малороссіи?

Рузанъ встрепенулась.

— Ахъ, Анна, какая счастливая мысль! Да-да... тамъ я буду въ безопасности. Такъ ѣдемъ-же, ѣдемъ сейчасъ!

— Какъ? Въ виду Пантъ? Это былъ-бы грѣхъ, моя милая. Для меня рождественскій сочельникъ — святой день, и я не могу не помолиться нарождающемуся Спасителю. Но завтра, завтра вечеромъ мы непремѣнно уѣдемъ.

— Завтра! — горькимъ стономъ вырвалось у Рузанъ. — О, Анна, Анна джанъ! Да увижу-ли я завтра солнце?.. Я, невѣрная, доживу-ли я до рожденія обманутаго мною Христа?

— Ну, что за вздоръ! Вотъ... монастырь уже виденъ. Не отходи отъ меня и я ручаюсь, что мы вернемся благополучно домой. Мы сейчасъ-же найдемъ тамъ Бунаковыхъ, Черемшанскихъ и Казабековыхъ и всѣ вмѣстѣ вернемся назадъ. Зина Черемшанская поѣдетъ со мной верхомъ на твоей лошади, а ты сядешь къ нимъ въ фаэтонъ. Глупенькая! Что ты боишься? Твои враги станутъ выжидать болѣе удобнаго момента, надѣясь на то, что мы останемся здѣсь до весны. А мы завтра вечеромъ укатимъ въ Малороссію — и всякій твой слѣдъ будетъ затерянъ.

— Дай Богъ, Анна, дай Богъ! Я знаю, что мнѣ не уйти отъ нихъ... но только увидать-бы еще хоть разокъ Аршака! Правда... тамъ много твоихъ знакомыхъ... Пожалуй, и точно, сегодня нѣтъ опасности.

Блѣдная улыбка скользнула, какъ лучъ, по ея лицу. Она наклонилась, порывисто обняла Анну и поцѣловала ее въ горячія пунсовыя губки.

— Сестра моя!.. Другъ мой!.. Какъ я люблю тебя, сирили джанъ!

— Рузанъ!.. Дорогая!..

Еще поцѣлуй, крѣпкій, сердечный.

— Какъ хорошо стало у меня на душѣ!—тихо заговорила Рузанъ.—Подлѣ тебя, моя Анна, я чувствую себя такъ, какъ чувствовала себя когда-то подлѣ матери.

— Ну, и слава Богу! Видишь, вотъ монастырь. Это святыня наша такъ благотворно на тебя подѣйствовала.

Онѣ хлестнули лошадей и скоро подъѣхали къ монастырской оградѣ, вынырнувшей предъ ними изъ-за густой зелени хвойныхъ деревьевъ. На широкомъ дворѣ, поросшемъ травой и окаймленнымъ деревьями, пасся чуть-ли не цѣлый табунъ верховыхъ лошадей, принадлежавшихъ пріѣхавшимъ еще наканунѣ всадникамъ.

Сами они сидѣли тутъ-же, расположившись живописными группами на пестрыхъ коврахъ и вышитыхъ шелками мутакахъ. Одѣтые въ цвѣтные черкески, бешметы, архалуки и бурки, они казались сошедшими съ полотна художника-оріенталиста,—такъ красивы и типичны были ихъ лица и такъ много отваги и удали горѣло въ ихъ пламенныхъ, огневыхъ очахъ. Среди нихъ выдѣлялись своими свѣтлыми европейскими костюмами нѣсколько человѣкъ елизаветпольской интеллигенціи. Но рѣзкіе типы смуглыхъ лицъ, съ великолѣпными черными глазами и бѣлыми, какъ сахаръ, зубами, выдавали и въ нихъ уроженцевъ Востока, почему-то нарядившихся въ европейское платья.

Нѣсколько въ сторонѣ отъ другихъ, подъ темною зеленью развѣсистыхъ чинаръ, стоялъ старикъ-брюнетъ, въ буркѣ и большой почти надвинутой на глаза войлочной шляпѣ. Онъ доставалъ вино изъ большой корзины и разставлялъ бутылки на столѣ, накрытомъ холщевымъ навѣсомъ. Рядомъ стояли еще двѣ корзины, съ закусками и фруктами. Надъ ними стоялъ красивенькій «биччо», аккуратно раскладывавшій ихъ живописными столбиками и горками на другой половинѣ стола. Очевидно, продажа готовилась широкая. Занятые своимъ дѣломъ, торговцы не обращали вниманія на прибывавшихъ богомольцевъ. Старикъ оглянулся только тогда, когда его окликнулъ одинъ изъ возлежавшихъ на коврѣ джигитовъ.

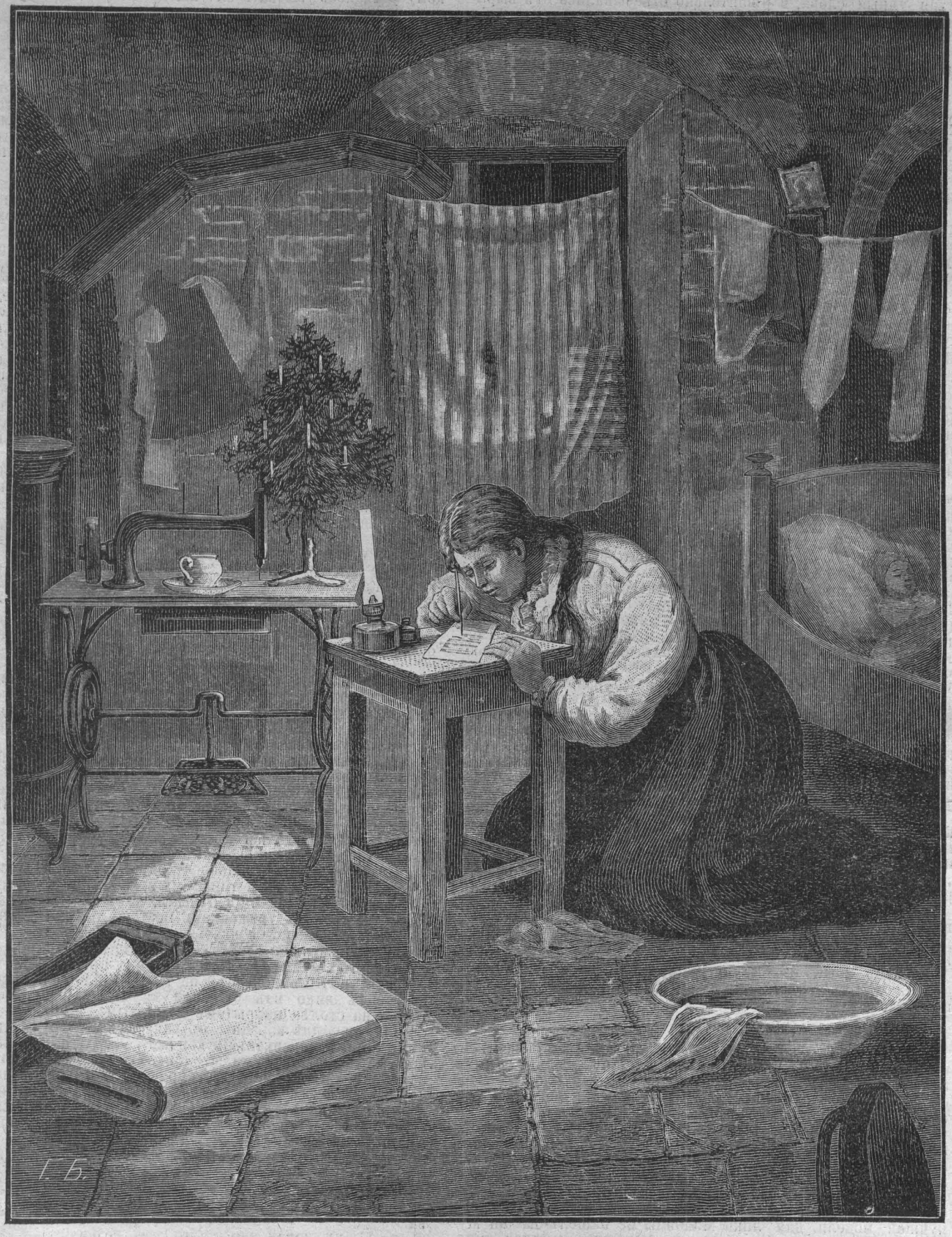
— Хаджи! Чего копаешься? Мы всѣ проголодались и въ глоткахъ сухо, какъ въ аду.

— Покуда нэ кончалъ обѣдня, нэ получишь ни глотокъ,—рѣшительно отрѣзалъ старикъ. — За тэба штрафъ платыть, ва?

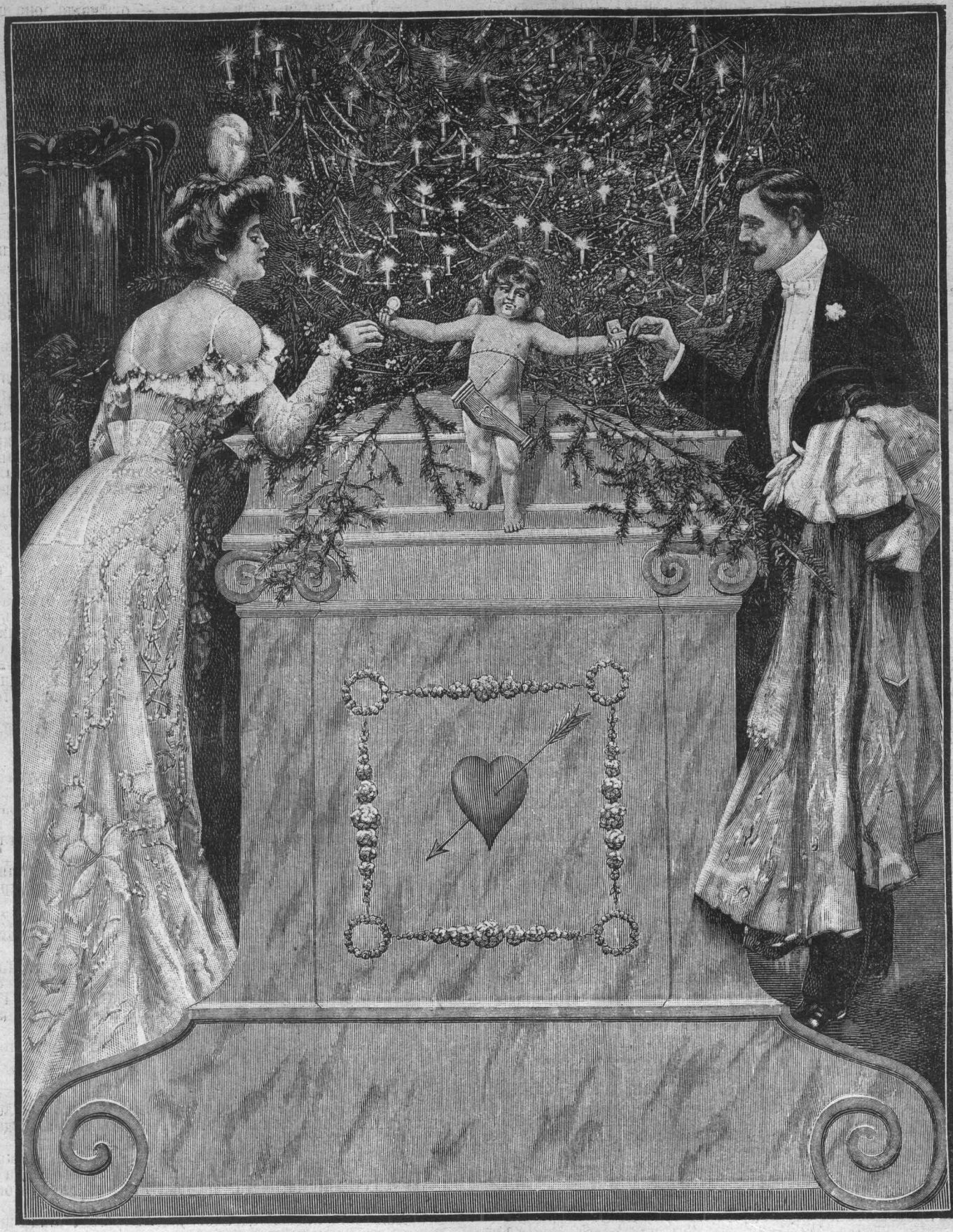
— Ну-ну, давай вино, а то самъ возьму.

— Возьмы! Крэпкаго слова нэ слыхалъ, ва?

Видно, и точно было страшно «крѣпкое слово» старика, потому что джигитъ замолчалъ и, закуривъ короткую трубку, заговорилъ съ сосѣдомъ, отвернувшись отъ старика. Да и безполезно было настаивать: всѣ знали, что у Али Абаса извѣстнаго подъ почетнымъ именемъ «хаджи», были крутой



РОЖДЕСТВЕНСКОЕ ПИСЬМО. Оригин. рисун. **Г. Бролинга**; гравир. для „Родины“ **Б. Пуцъ**.



АМУРЪ НА ЕЛКѢ. Рисунокъ художн. **Э. Кукуель**; гравир. для „Родины“ **И. Юревичъ**.

нравъ и упрямая воля, что разъ онъ сказалъ что-нибудь, то скорѣе умретъ, чѣмъ нарушитъ слово. А сегодня въ особенности у него былъ такой свирѣпый видъ, что никому-бы и въ голову не пришло спорить съ нимъ. Кромѣ того, Али-Абасъ пользовался большимъ уваженіемъ всѣхъ знавшихъ его: во-первыхъ, онъ былъ настоящимъ «хаджи», не одинъ разъ поклонившимся священному камню Каабы и два раза посѣтившимъ тѣ священныя мѣста, гдѣ покоится прахъ Магомета; а во-вторыхъ, онъ былъ очень богатъ и устроилъ ресторанъ въ Пантахъ, куда мѣстная молодежь часто съѣзжалась покутить. Такимъ образомъ, онъ держалъ въ своихъ рукахъ благосостояніе желудковъ всей этой толпы вѣчно голодныхъ и жаждущихъ оборванцевъ, все богатство которыхъ заключалось въ поясахъ и кинжалахъ изъ чистаго серебра и дорогихъ камней.

Никто никогда не видалъ Али-Абаса такимъ свирѣпымъ и мрачнымъ, какъ въ этотъ канунъ Рождества. Когда на каменистой тропинкѣ послышался стукъ лошадиныхъ копытъ, Али Абасъ быстро повернулся и его черные, пронизывающіе глаза съ непередаваемымъ выраженіемъ злобы и ненависти устремились на двухъ красивыхъ женщинъ, медленно подъѣзжавшихъ къ монастырской оградѣ. Затѣмъ онъ снова отвернулся и еще плотнѣе нахлобучилъ на лобъ свою широкополую грязную шляпу.

— Знаешь, Анна джанъ...

Рузанъ остановила лошадь и пристально какимъ-то остановившимся взглядомъ посмотрѣла въ глаза невѣстки. Шекспировскій трагизмъ былъ въ этомъ неподвижномъ взглядѣ, и Анна почувствовала, что у нея подкашиваются ноги, холодѣютъ руки.

— Ну-у? Что еще? Еще что, Рузанъ, палачъ мой?

Рузанъ прикрыла рукою глаза.

— Слушай и смотри,—начала она глухимъ, замогильнымъ голосомъ. — Видишь ты этого человѣка? Вотъ... подъ навѣсомъ... за столомъ съ винами и фруктами?.. Видишь, да? О-о, Анна джанъ, Анна джанъ! Смотри, хорошенько смотри!

Она выждала нѣсколько мгновеній, пока Анна разсматривала въ стекла лорнета всѣхъ окружающихъ.

— Видишь? Да?

— Вижу, Рузанъ, дѣтка моя! Вижу, да. И знаешь... мнѣ тоже страшно... Уѣдемъ... не надо намъ ждать...

— Поздно, Анна джанъ. Этотъ старикъ—Али Абасъ, родной дядя моего... умершаго мужа. Когда мы вѣнчались, онъ подошелъ къ Шюкюру и сказалъ ему во всеуслышанье: «Молодую взялъ, красавицу взялъ, шайтанъ отниметъ».— Рузанъ на минуту умолкла, блѣдная, грустная.—Еще разъ я его видѣла,—тихо продолжала она,—когда мужъ, ревнуя къ Аршаку, избилъ меня и выгналъ изъ дома, — я пріютилась въ чужомъ дворѣ и сидѣла за баней, боясь вернуться домой. Оказалось, что это былъ дворъ Али Абаса. Когда разсвѣтало, старикъ вышелъ осмотрѣть службы и увидалъ меня. «Э-ге,— сказалъ онъ и тронулъ меня за плечо.—Скоро у васъ пошли нелады. Ну... да сбудется воля и Аллаха, и Магомета, пророка Его! А ты молчи да терпи... Эге... не то терпѣть придется, ва!» И вотъ... онъ здѣсь теперь. Да-а... здѣсь... Да сбудется воля Аллаха!.. И еще... помнишь, Анна джанъ... когда я въ ротондѣ лезгинку танцовала?

— Ну? Помню.

— Такъ вотъ... въ крайней комнатѣ былъ... въ норды игралъ.

— И видѣлъ тебя?

— Не знаю. Я его видѣла. Помнишь, когда мы вернулись домой, я сказала, что надо скорѣе уѣхать...

— Да, да.

— Ну вотъ... я уже тогда поняла, что для меня не пройдетъ даромъ этотъ пріѣздъ мой къ вамъ.

— Почему-же ты не сказала тогда?

— Такъ... Да сбудется воля Аллаха и Магомета, пророка Его!

Анну поразилъ успокоенный, покорный тонъ Рузанъ. Она открыла было ротъ, чтобъ сказать ей еще что-то, но Рузанъ махнула рукой и, быстро спрыгнувъ съ сѣдла, привязала лошадь къ дереву.

— Постой, Рузанъ... Такъ нельзя. Могутъ украсть лошадей. Слушай, адо... Постереги лошадей... Два абаза *) получишь,—крикнула Анна проходившему мимо ихъ сторожу.

— Якши **), — отвѣчалъ молодой татаринъ и, взявъ поводъ изъ рукъ Анны, прикрутилъ лошадь къ дереву.

Глаза его скользнули по лицу Рузанъ и быстрая усмѣшка пробѣжала по смуглому скуластому лицу.

Ни Рузанъ, ни Анна не замѣтили этого. Взявъ подъ руку Анну, Рузанъ вошла за нею въ калитку монастыря. И только тогда, когда онѣ поднимались на ступени каменной лѣстницы, ведущей въ храмъ, Анна замѣтила, что спутница ея дрожитъ и еле держится на ногахъ.

*) Около двадцати копеекъ.
**) Ладно.

— Ты вся дрожишь... Ты больна, Рузанъ джанъ? — тревожно спросила Анна.

Рузанъ покачала головой.

— Да сбудется воля Аллаха, — отвѣчала она глухимъ шепотомъ и сорвала съ лица сѣрый вуаль.

— Зачѣмъ? Зачѣмъ, Рузанъ?

— Все равно, Анна... Теперь все равно.

Она вырвала руку изъ-подъ локтя Анны и пошатнулась.

— Стой, Рузанъ.

Анна остановилась въ притворѣ храма и, видя, что Рузанъ дрожитъ всѣмъ своимъ хрупкимъ тѣломъ, схватила ее за руку.

— Оправься... Возьми себя въ руки, Рузанъ. Слушай... Тамъ поютъ торжественную пѣснь нашему Милосердному Младенцу-Христу... Прислушайся... Онъ защититъ тебя...— сказала Анна.

— Нѣтъ... никто не защититъ отъ мести пророка.

— Рузанъ, ты въ церкви, — строго напомнила Анна, возмущенная тѣмъ, что она говоритъ о своемъ пророкѣ въ ихъ христіанскомъ храмѣ. — Пойдемъ, дитя мое, успокойся...

«Христосъ рождается, славимъ Тя», — вырвалось изъ раскрывшихся дверей храма, и Рузанъ какъ-то невольно откачнулась назадъ.

Но Анна была настороже и, взявъ ее крѣпко за руку, ввела въ церковь.

Звуки росли, подымались, наполняли всѣ уголки храма, сгущались подъ его сводами. Торжественные, величавые, они словно сливались съ синими волнами ладана и слоились въ воздухѣ прозрачными нитями, то подымаясь, то опускаясь, то оглушительно громкіе, то сладко замирающіе. Эти волны ароматовъ и звуковъ подхватили Рузанъ, подняли ее куда-то высоко-высоко; ея голова закружилась, въ глазахъ потемнѣло и она упала-бы навзничь, если-бъ чья-то сильная рука не поддержала ея.

— Какая красавица!

— Смотрите, какъ хороша!

— Боже, какая прелесть! Кто она, кто?

Богомольцы перешептывались, тѣснились и толкали другъ друга, чтобъ посмотрѣть на Рузанъ. Но эти лестные возгласы доходили до ея слуха какъ-будто откуда-то изъ другого міра; что-то острое, пахучее ударило ей въ голову и все потемнѣло, закружилось, поплыло. Нахлынувшая толпа новыхъ богомольцевъ оттерла отъ нея Анну. На секунду Рузанъ очнулась, почувствовала, что ее крѣпко держутъ за талію чьи-то цѣпкія, грубыя руки, и сдѣлала послѣднее усиліе, чтобы рвануться за Анной. Но въ это время кто-то запрокинулъ ее назадъ и поднялъ надъ поломъ.

— Ей дурно... У нея обморокъ,—раздался грубый, рѣзкій голосъ.

Рузанъ вскрикнула и лишилась чувствъ.

«Рождество Твое, Христе Боже Нашъ, возсія мирови свѣтъ Разума»,—торжественно и громко неслось по церкви.

Но это не помѣшало Аннѣ услышать крикъ Рузанъ. Вся замирая отъ холоднаго ужаса, она оглянулась и, не видя позади себя Рузанъ, метнулась къ выходу, расталкивая толпу молящихся.

Когда ей удалось, наконецъ, пробраться за калитку монастырской ограды, она увидала свою лошадь привязанною къ дереву.

Не помня себя отъ горя и страха, Анна кинулась къ толпѣ молодежи, лежавшей и сидѣвшей на большомъ палласѣ со множествомъ мутакъ и подушекъ.

— Ради Бога! Ради всего святого вамъ, догоните ее... спасите!.. Сто, двѣсти, тысячу дамъ вамъ... только спасите ее... Они увезли ее... убьютъ... измучатъ... Ахъ, Господи! Скорѣе... скорѣе... ради Христа! — кричала Анна, ломая въ отчаяніи руки.

— Якши елъ! *)—смѣясь, отозвался одинъ изъ толпы.

— Чохъ шодамъ **)!

— Аллахэ шикыръ ***)!

— Чохъ якши ****)!

Они говорили всѣ разомъ, злобно смѣясь, поблескивая глазами, и Анна поняла, что отъ нихъ нечего ждать помощи.

— Прынэсутъ ее тэбэ, прынэсутъ, — громко крикнулъ ей торговецъ въ войлочной шляпѣ.—Кровь за кровь! Да будетъ воля Аллаха и Магомета, пророка Его!—закончилъ онъ, при громкомъ смѣхѣ толпы.

Анна кинулась въ церковь, надѣясь, что Рузанъ прячется въ толпѣ; но церковь была уже почти пуста и даже знакомые Анны куда-то исчезли. Она снова выбѣжала на дворъ, кричала, металась, прося защиты и помощи.

*) Добрый ей путь.
**) Очень рады.
***) Слава Аллаху.
****) Очень хорошо.

Ноги едва держали ее, сердце шумно билось и слезы бѣжали по лицу неудержимымъ потокомъ.

Ее окружили нѣсколько человѣкъ полицейскихъ, разспросили, въ чемъ дѣло, и разослали во всѣ стороны верховыхъ, съ приказаніемъ не возвращаться безъ дамы въ сѣрой амазонкѣ.

— Не безпокойтесь, сударыня, — утѣшали они Анну. — Времени прошло немного; ихъ догонятъ и вернутъ вашу подругу—живую или мертвую, но вернутъ непремѣнно.

— Мертвую!—всхлипывая, повторила Анна. — Конечно, мертвую!

О, какъ она боялась, какъ она чувствовала, что это случится!

Она рыдала, ломала свои руки, билась головой о стѣны, пока не выбилась совершенно изъ силъ. Только къ вечеру она рѣшилась уѣхать домой, напрасно прождавъ хоть какой-нибудь вѣсти о пропавшей Рузанъ. Верхомъ она не могла ѣхать, и ее увезли въ монастырской телѣжкѣ, обѣщая тотчасъ-же извѣстить, если что-нибудь узнаютъ.

А за монастырской оградой гремѣли дикіе звуки созандари *), и полупьяная молодежь плясала лезгинку и кинтадури, пѣла грузинскія и армянскія пѣсни, джигитовала, боролась, — словомъ, веселилась отъ души, забывая, что въ это самое время совершалась страшная казнь надъ молодымъ существомъ, имѣющимъ всѣ права на жизнь и счастье, виновнымъ только въ томъ, что не умѣло побороть чувства, ставшее дороже самой жизни.

Прошло три дня.

Снова завывалъ въ трубахъ вѣтеръ, котораго такъ боялась бѣдняжка Рузанъ. Съ дикими воплями носился онъ по дорогѣ, вздымая цѣлыя тучи песка и пыли. Надъ головой Анны, занимавшей маленькую комнатку въ квартирѣ старыхъ друзей ея мужа, раздавались топотъ дѣтскихъ ногъ, веселый, безпечный смѣхъ и бойкіе звуки рояля. Въ верхнемъ этажѣ, гдѣ помѣщались двѣ большія дѣтскія комнаты, зажгли елку и пригласили на этотъ праздникъ всѣхъ знакомыхъ дѣтей. Взрослые только поневолѣ принимали участіе въ ихъ праздникѣ: трагическое исчезновеніе Рузанъ тяжелымъ горемъ легло на ихъ плечи и весь домъ погрузился въ глубокій трауръ. Еще такъ недавно молодая, жизнерадостная красавица щебетала среди нихъ, какъ птичка. Всѣ они такъ полюбили ее, какъ-будто знали давно. А, между тѣмъ, только мѣсяцъ тому назадъ Анна написала, что хочетъ провести у нихъ мѣсяца-два, до теплыхъ дней, такъ какъ въ Аджикентѣ холодно и дача стараго лѣсничаго не представляетъ достаточно надежной защиты отъ постоянныхъ вѣтровъ и бурь.

«Мы простудимъ здѣсь нашу хрупкую гостью, которую пригласили для того, чтобы уберечь отъ холодной московской зимы,—писала Анна. — У васъ-же теплый, сухой домъ, заботливо выстроенный. Отдайте намъ двѣ маленькихъ комнатки и примите насъ въ вашу семью. Сережа только къ вамъ соглашается отпустить насъ; вы знаете, какъ мало онъ довѣряетъ армянскимъ семьямъ».

Такимъ образомъ, Анна и Рузанъ поселились у Аксеновыхъ и, дѣйствительно, составили какъ-бы одну семью. Рузанъ стала общей любимицей. Даже дѣти подружились съ нею; она играла съ ними въ прятки и въ жмурки, выучила ихъ хоровымъ пѣсенкамъ, аккомпанируя имъ на роялѣ, и была почти неразлучна съ ними. Всегда веселая, ровная, съ милымъ характеромъ, она всѣхъ такъ привязала къ себѣ, что утрата ея легла камнемъ на всю семью.

И какая утрата! Еще если-бы знали они, что съ нею сдѣлали, жива-ли она, гдѣ находится. Но вотъ уже три дня, какъ она исчезла, а до нихъ не дошло ни одной вѣсти, которая хоть немного разсѣяла-бы этотъ ужасающій мракъ неизвѣстности. Ни намека, ни указанія. Напрасно мужъ Анны поднялъ на ноги всю мѣстную администрацію; Рузанъ словно провалилась сквозь землю. Только старый слуга Аксеновыхъ, почтенный Захаръ Потапычъ, разсказалъ Аннѣ Геннадьевнѣ, что уже съ недѣлю какъ къ дворнику все ходилъ какой-то родственникъ, житель сосѣдняго аула, пріѣхавшій въ Елизаветполь за покупками для праздника, и что они все что-то говорили по-своему, и «ханумъ» поминали, т. е., госпожу.

— Видѣлъ я разъ, какъ онъ Мамеду деньги давалъ золотомъ. Говоритъ—на храненіе будто,—прибавилъ старикъ.— А теперь, видно, уѣхалъ; дней пять какъ не былъ.

Позвали дворника, татарина, почти ничего не понимающаго изъ русской рѣчи. Едва могли добиться отъ него, въ какомъ аулѣ живетъ его родственникъ. Во время допроса Мамедъ былъ покоенъ и хладнокровенъ, трудно было допустить его участіе въ этомъ загадочномъ дѣлѣ. Обыскали весь аулъ, но не только Рузанъ, а и того татарина не нашли, на котораго указывалъ старикъ Потапычъ. Самые тщательные розыски не привели ни къ чему: какъ въ воду канула молодая красавица, такъ желавшая жить, такъ любившая жизнь!

*) Мѣстный оркестръ.

Зеленый абажуръ умѣрялъ свѣтъ лампы и бросалъ мрачныя тѣни по комнатѣ Анны, отдѣленной тонкой деревянной переборкой отъ опустѣвшей комнаты Рузанъ.

Часовая стрѣлка приближалась къ двумъ часамъ ночи. Давно уже затихли дѣтскіе голоса и стукъ дѣтскихъ башмачковъ больше не безпокоилъ Анны. Казалось-бы, заснуть, забыть всѣ тревоги и огорченія и наутро встать съ обновленными силами, чтобы возложить на отдохнувшія плечи ниспосланный свыше крестъ. Не тутъ-то было! Неси... неси... неси! Не освободилъ человѣкъ безсмертныхъ рамень Божественнаго Искупителя отъ тяжкой ноши Его. Какъ-же человѣку ждать, чтобы Господь освободилъ его?

И мучилась бѣдная Анна, проводя безъ сна эту томительную, безконечную ночь! Не шевелясь, какъ застывшая въ холодѣ своихъ безотрадныхъ думъ, сидѣла она въ глубокомъ креслѣ, отупѣвъ отъ горя, не зная, что ей дѣлать, какъ быть? О-о, лучше было-бы оставить бѣдняжку Рузанъ тамъ, на холодномъ сѣверѣ, умирать въ тѣхъ любимыхъ объятіяхъ, гдѣ она чувствовала себя такъ хорошо и тепло! Зачѣмъ они приглашали ее пріѣхать, когда не умѣли сберечь? Что напишетъ она теперь Аршаку? Какъ скажетъ ему, что его жизнь, его радость попала въ руки враговъ, не знающихъ пощады?

Ахъ, ужасъ, смерть!

Исхудавшая, блѣдная, съ опухшими отъ слезъ глазами, Анна изнывала въ безнадежномъ отчаяньѣ. Всѣ эти трое сутокъ она почти не спала, а если и забывалась на минуту тяжелымъ сномъ, похожимъ на обморокъ, то вскакивала тотчасъ-же въ холодномъ поту: ей чудился голосъ Рузанъ, молящій ее о помощи и упрекавшій ее за то, что она такъ легко отнеслась къ ея мрачнымъ предчувствіямъ.

«О-о, Рузанъ, Рузанъ джанъ! Вернуться-бы намъ тогда, не ѣздить въ Панты, и жива-бы ты была, родная моя, родная!»

Бѣдная женщина извелась и сама походила на умирающую.

Сжавъ ладонями рукъ свою больную голову, Анна устремила неподвижный взглядъ въ пространство, ни о чемъ не думая, какъ-будто прислушиваясь къ чему-то страшному гнетущему, что совершалось внутри ея.

Слабый стукъ въ окно заставилъ ее очнуться. Анна вздрогнула и подняла голову.

Еще стукъ... еще и еще... рѣшительнѣе, громче двухъ первыхъ.

Сердце Анны замерло. Разсудокъ толкалъ ее къ окну, а ноги не слушались и, какъ парализованныя, словно вросли въ полъ.

А стукъ продолжался, нетерпѣливый и гнѣвный.

Наконецъ, Анна очнулась отъ своего забытья и сразу сорвалась съ кресла.

«Стучатъ, да... это... Рузанъ!»

Кровь кинулась ей въ голову. Она бросилась къ окну, распахнула внутреннюю ставню и прислонилась внезапно разгорѣвшимся лицомъ къ запотѣвшему, занесенному пылью стеклу.

Сердце ея стукнуло и шумно забилось: она увидала стоявшую подъ окномъ лошадь и человѣка въ буркѣ, съ папахой на головѣ, стоявшаго подъ окномъ.

«Сѣрая лошадь... Лошадь Рузанъ... А этотъ... я его тамъ видала... въ Пантахъ... за прилавкомъ»... «Тэбэ ее прынэсутъ»,—вдругъ вспомнилось Аннѣ, и она похолодѣла, какъ умирающая, и безъ силъ опустилась на рядомъ стоявшій стулъ.

Но это была минутная слабость. Анна тотчасъ-же пришла въ себя, выбѣжала въ прихожую и отворила запертую на ключъ входную дверь.

— Потапычъ!—крикнула она.—Иди скорѣй!..

Старикъ, спавшій на тахтѣ подъ лѣстницей, быстро вскочилъ на ноги. Занимая должность швейцара, онъ привыкъ спать полуодѣтый.

Накинувъ бурку, онъ всталъ подлѣ Анны, ожидая приказаній.

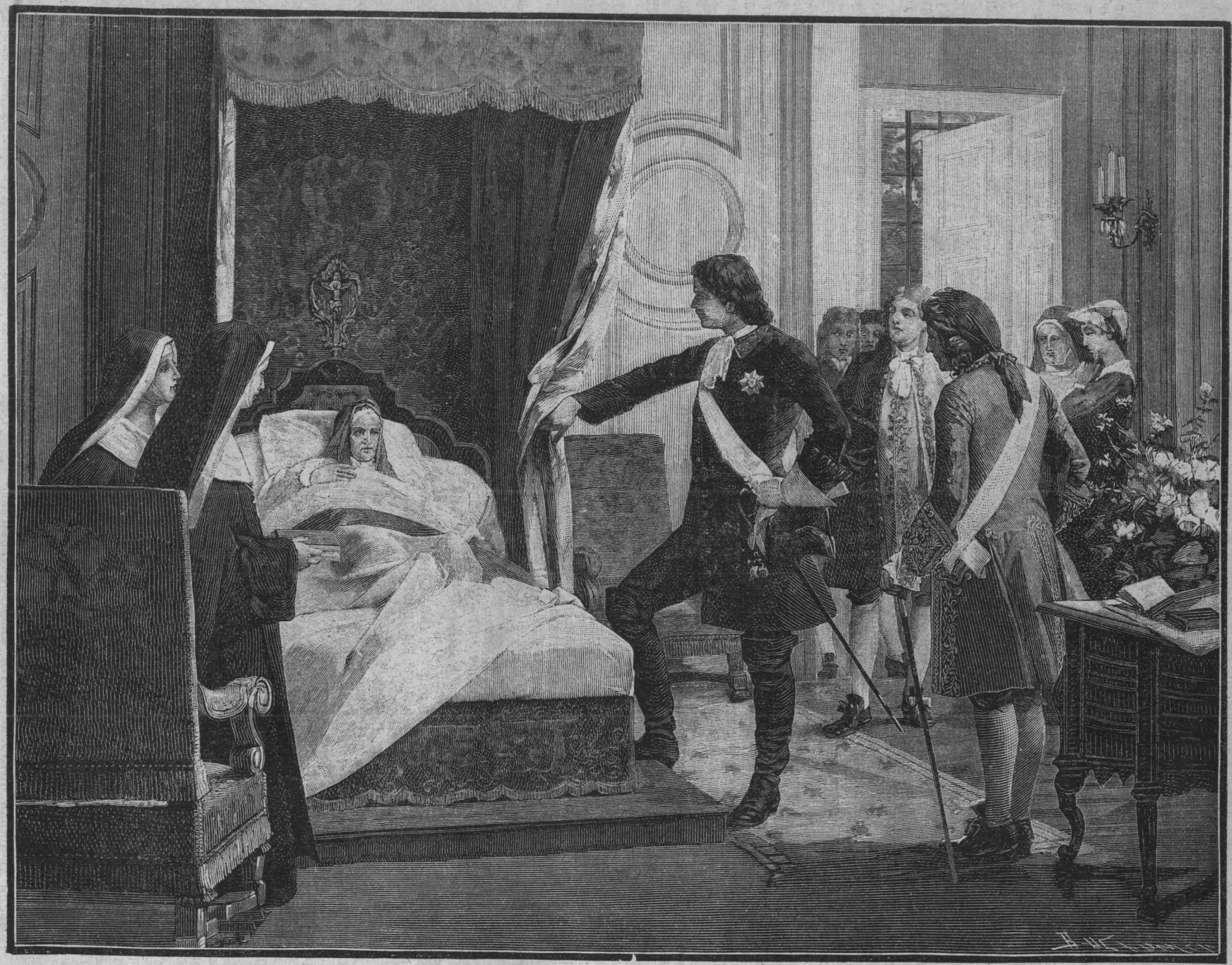
— Разбуди Мамеда... Тамъ человѣкъ... верхомъ... Лошадь Розы Давыдовны... Надо его... задержать...

Она открыла дверь. Потапычъ услужливо накинулъ ей на плечи снятую съ вѣшалки ротонду и, слегка отстранивъ ее, вышелъ первый:

— Дозвольте, матушка-барыня... я сперва самъ погляжу... Никого какъ-будто нѣтъ...

Анна шагнула за дверь.

И точно, на улицѣ уже никого не было. Калитка была открыта, издали доносился удалявшійся стукъ лошадиныхъ копытъ.



ПЕТРЪ I у г-жи МЕНТЕНОНЪ. Съ картины **К. Н. Горскаго** гравир. для „Родины“ **В. Цехомскій.**

ЛѢСОПРОМЫШЛЕННИКЪ. Съ картины **Н. Н. Бунина** гравир. для „Родины“ **И. Юревичъ.**

Анна пошатнулась и прислонилась къ стѣнѣ, еле слышно повторяя:

— Онъ былъ... я видѣла... Въ окно стучалъ... Въ буркѣ... въ папахѣ.

Потапычъ бросился къ открытой калиткѣ и столкнулся съ выходящимъ изъ нея дворникомъ.

— Ты что не сидишь у воротъ? Кто былъ здѣсь? Ты долженъ знать!

Дворникъ таращилъ глаза, какъ-бы не понимая, о чемъ его спрашиваютъ, а Потапычъ вернулся къ Аннѣ, разводя въ недоумѣніи руками.

— Не попритчилось-ли, матушка-барыня? Можетъ, малость вздремнули?

— Нѣтъ, нѣтъ... я слышала... и видѣла... А это... это...

Блѣдная, какъ смерть, съ широко раскрытыми глазами, полными безумной тоски и какого-то паническаго ужаса, Анна протянула руку къ сѣрому холщевому мѣшку, прислоненному къ стѣнѣ. Дверь отворяясь загораживала его, и, отойдя къ воротамъ, ни Анна, ни Потапычъ не обратили на него вниманія. Зато теперь онъ бросился въ глаза Аннѣ, повернувшейся отворить дверь, и поразилъ ее своими выступавшими буграми.

Потапычъ бросился къ мѣшку и быстро раскрутилъ веревку.

— Барыня!

Это не былъ ни крикъ, ни стонъ, ни вопль, это былъ вой ужаса, вырвавшійся изъ перехваченнаго горла стараго друга-слуги. Онъ дрожалъ, какъ въ лихорадкѣ, и, наскоро закручивая мѣшокъ, лепеталъ безсвязно и нечленораздѣльно:

— Это... это я давеча... для собачки косточки собралъ... И чего они его сюда принесли?.. У насъ поросенка жарили... да еще барана... на этихъ дняхъ рѣзали... Ахъ... дураки!.. Идите домой... простудитесь... матушка-барыня...

Анна стояла, какъ столбъ, силясь что-то понять, и смотрѣла въ упоръ на дрожащія руки Потапыча, и слушала его глухую, безсвязную рѣчь. Потомъ, сразу придя въ себя, какъ-бы освободившись отъ столбняка, она кинулась къ Потапычу и съ силой, какой онъ не ожидалъ отъ нея, оттолкнула его въ сторону.

— Лжешь, старикъ!.. Обманываешь!.. Пусти... пусти меня!

Она быстро развязала мѣшокъ, наклонилась надъ нимъ и, вскрикнувъ во всю грудь, упала на каменныя плиты подъѣзда.

На нее глянули открытые во всю ширину глаза Рузанъ, съ застывшимъ въ нихъ выраженіемъ страданья и ужаса. Нетронутая рукою палача-мстителя, обрамленная волнами черныхъ кудрей, прелестная головка лежала на грудѣ костей, какъ мраморное изваяніе.

Значитъ, велика была сила этой чарующей красоты, если даже звѣри, изрѣзавшіе въ куски молодое прелестное тѣло, не посмѣли тронуть это чудное личико.

Цѣлый мѣсяцъ Анна не приходила въ себя, заболѣвъ воспаленіемъ мозговыхъ оболочекъ. Въ болѣзненномъ бреду имя «Рузанъ» не сходило съ ея языка. Когда она, наконецъ, пришла въ себя, страшная картина пережитаго горя навсегда исчезла изъ ея памяти.

Страшенъ сонъ, да милостивъ Богъ! Сергѣй увезъ за границу свою отвоеванную отъ смерти жену. Анна все позабыла и чистосердечно вѣритъ, что видѣла во снѣ всю эту кровавую драму. Она проситъ мужа поѣхать въ Москву, къ Рузанъ и Аршаку, и довольствуется обѣщаніями Сергѣя поѣхать, когда онъ поправится.

А ему надо серьезно лечиться: онъ весь сѣдой, несмотря на свои тридцать семь лѣтъ, и его нервы до того распатаны, что онъ вздрагиваетъ при малѣйшемъ стукѣ и плачетъ, какъ женщина, слушая музыку.

Они живутъ зимой въ Монпелье, а лѣтомъ уѣзжаютъ на воды. Сергѣю предписана перемѣна мѣстности и онъ часто уѣзжаетъ одинъ, говоря, что одиночество—лучшій врачъ.

Анна вѣритъ ему безусловно. Въ ея возрожденномъ мозгу ни раза еще не возникла догадка, что мужъ систематически обманываетъ ее цѣлые годы: онъ ѣздитъ въ больницу Шарко, гдѣ, за желѣзной рѣшеткой видитъ искаженное злобой лицо Аршака, живущаго надеждой перерѣзать всѣхъ татаръ и динамитомъ взорвать камень «Каабы».

КОНЕЦЪ.

КЪ НОВОЙ ЖИЗНИ!

Кончается тысяча девятьсотъ пятый годъ. Много тяжелаго пережила въ этомъ году святая Русь! Тяжелымъ, но гулкимъ отзвукомъ пронеслась по русской землѣ вѣсть о мукденскомъ пораженіи, а затѣмъ и о цусимскомъ погромѣ. Кровью облилось сердце русскаго человѣка, и онъ, истомленный борьбой, пославшій своихъ дѣтей и братьевъ въ далекія манчжурскія степи, пославшій ихъ на корабляхъ въ Корейскій проливъ, все-таки вздохнулъ полной грудью въ моментъ опубликованія Государемъ манифеста о созывѣ государственной думы.

Съ высоты престола раздался призывъ къ русскому народу, призывавшій его принять участіе въ дѣлахъ управленія обширнымъ царствомъ. Всѣмъ сердцемъ, всей душой откликнулся на этотъ зовъ православный народъ и, какъ почти полвѣка тому назадъ, при объявленіи объ уничтоженіи крѣпостного права, осѣнилъ свою надорванную, истомленную грудь широкимъ крестнымъ знаменіемъ.

Онъ понялъ, этотъ великій русскій народъ, что если Царь зоветъ его раздѣлить съ Нимъ управленіе, значитъ, чувствуется нужда въ могучей народной силѣ.

Но вотъ явился манифестъ 17-го октября, и народъ, только перекрестившійся предъ дарованіемъ государственной думы, теперь толпами направился въ Божьи храмы, чтобы возблагодарить Господа Бога, вложившаго въ сердце русскаго Государя рѣшеніе пойти навстрѣчу народнымъ нуждамъ, нуждамъ, которыя заглушались произволомъ мѣстной власти и не доходили до престола любящаго народъ Царя. Актомъ 17-го октября Государь соединился съ народомъ, а уменьшивъ и отмѣнивъ съ 1907-го года послѣдующимъ манифестомъ выкупные платежи, Государь далъ возможность русскому крестьянину стряхнуть со своихъ плечъ тяжелое ярмо недоимокъ и платежей за самое для него насущное—землю, которые такъ строго взыскивались приставленными для этого чиновниками.

Теперь чиновники отодвинуты на второй планъ, и русскій народъ въ правѣ думать теперь, что средостѣніе между нимъ и Царемъ пало и что онъ вновь приблизился къ своему Царю, неустанно заботящемуся о благѣ своихъ подданныхъ.

Можетъ быть, будутъ даны народу и новыя милости, которыя облегчатъ тяжелый трудъ народа, дадутъ ему возможность жить и мыслить такъ, какъ привыкъ дѣлать и то, и другое истинно русскій человѣкъ, т. е., безъ фальши, а нараспашку, съ древне-славянской прямотою.

Приводимъ здѣсь кстати стихотвореніе въ прозѣ одного поэта, теперь уже умершаго, но провидѣвшаго своимъ сердцемъ будущую, а теперь настоящую зарю русскаго самосознанія:

«Темная, мрачная, какъ небеса безъ звѣздъ, широко раскинулась Русская земля. Омываютъ Русскую землю моря, колышутся около ея береговъ океаны и прибоемъ волнъ будятъ эту мрачную, застывшую въ полуснѣ землю. Шумятъ вокругъ земли волны, но та спитъ и ничего не слышитъ. Напрасно поютъ волны о быломъ величіи, о былыхъ свободахъ, но, нѣтъ, не слышатъ онѣ отвѣта.

«Загорятся надъ темной, черной землей звѣзды, яркимъ окомъ окинутъ онѣ ее и тоже точно будятъ ее отъ тяжелаго, кошмарнаго сна.

«Но мирно спитъ, раскинувшись отъ моря до моря, святая Русь, и нѣтъ ей дѣла до ясныхъ, свѣтлыхъ звѣздъ, ярко сіяющихъ въ синемъ небѣ.

«Серебристымъ лучемъ скользнетъ по холмамъ и равнинамъ луна. Старается она заглянуть въ самыя дебри уснувшей страны, чтобы хотя тамъ разбудить уснувшую жизнь. Но нѣтъ! Повсюду мертво, повсюду тишина. Скроются звѣзды, скроется луна, выйдетъ на ясныя небеса золотое солнце, согрѣетъ оно своими лучами горы и долины, и подъ этимъ теплымъ солнечнымъ поцѣлуемъ иногда вздыхала своей могучей грудью спящая Русская земля.

«Шли вѣка за вѣками. Но вотъ въ одно раннее утро, когда на небѣ погасли звѣзды, когда, совершивъ свой обходъ, спряталась луна, а солнце еще отдыхало и не появлялось, на Востокѣ загорѣлась яркая, свѣтлая полоска; чуть замѣтная, она съ каждой минутой алѣла и алѣла.

«Наконецъ, охвативши полнеба, заря вспыхнула яркимъ заревомъ.

«И засвѣтилась темная, черная спящая земля. Вспыхнувшая заря оживила мрачныя ущелья, ея багровые лучи всколыхнули дебри, заиграли по вершинамъ горъ и дали землѣ сразу все, что давали частями солнце, луна и звѣзды.

«Земля проснулась!

«Заколосились нивы, зазеленѣли луга, море людскихъ головъ заколыхалось.

«Земля ожила! Она точно ждала этой зари и, когда та скрылась, не уснула вновь, а подъ ласкающими лучами явившагося солнца пѣла гимнъ благодарности за свое пробужденіе. Она пѣла этотъ гимнъ и подъ звѣзднымъ небомъ, подъ тихимъ луннымъ сіяніемъ. Она радовалась, что теперь живетъ, дышитъ и можетъ любоваться природой, яснымъ небомъ, которое шлетъ землѣ свое благословеніе!»

Это стихотвореніе въ прозѣ невольно вспомнилось въ [illegible]стоящее время. Заря свободы загорѣлась надъ Русской [illegible]рѣлась яркимъ свѣтомъ, вспыхнула заревомъ и [illegible]перь этой зари ничѣмъ.

[illegible]зарнымъ свѣтомъ исчезаютъ, забываются [illegible]бываются кровавые дни рожденія рус[illegible] заря горитъ и блещетъ надъ Русью.

Привѣтъ ей! Да благоденствуетъ русскій народъ въ своей новой жизни, сбросивъ съ себя ярмо и оковы, которыя онъ терпѣливо несъ, ожидая свѣта и свободы.

Они даны теперь тебѣ, русскій народъ, даны за твой многовѣковый трудъ, за твою многовѣковую скорбь, за твое многовѣковое терпѣнье.

Привѣтствуй-же, русскій народъ, солнце свободы и пусть оно свѣтитъ на небѣ тысячи лѣтъ такъ-же ярко и свѣтло какъ загорѣлись его первые лучи на сумрачномъ небосклонѣ твоей страдальческой жизни!

Привѣтствуй обновленную родную страну и вѣрь, что взошедшее надъ родиной солнце свободы осушитъ твои слезы отъ непосильнаго труда и дастъ тебѣ силу и мощь, дастъ славу и блескъ былыхъ забытыхъ временъ.

Юр. Е.

Старый годъ.

[illegible] разбитый,

[illegible]ытый,

[illegible]ный

[illegible]но вступ[illegible]

[illegible]астливить и міръ, и народы,

[illegible] избавить отъ слезъ,

И зн[illegible]амя добра и желанной свободы
Въ рукахъ человѣчеству несъ.
Но всѣ его добрыя думы разбиты...
Весь міръ утопаетъ въ крови
И въ сердцѣ съ дыханіемъ злобы открытой
Нѣтъ мѣста для братской любви.
То тамъ, а то здѣсь возставали тревожно
Съ оружьемъ народъ на народъ,
И съ часа на часъ ожидать было можно
Злой бури печальный исходъ.
И люди отъ Бога совсѣмъ отступились,
Добра идеалъ подавивъ,
И въ капищахъ новымъ богамъ поклонились,
Позоромъ себя заклеймивъ...
Но чу... слышны музыка громкая, рѣчи...
То новый годъ смѣло идетъ,
Не зная, что послѣ восторженной встрѣчи,
Его, тріумфатора, ждетъ...

В. Щуренковъ.

ОПИСАНІЕ РИСУНКОВЪ.

Лѣсопромышленникъ. (Къ рис. на стр. 1657.) Зима. Снѣгомъ запорошило и поля, и равнины, и лѣсныя тропинки. Бѣлой пеленой окутало крыши домовъ, въ особенности расположенныхъ среди лѣса, въ которыхъ живутъ сторожа лѣсного матеріала, срубленнаго лѣтомъ и сложеннаго на зиму въ штабели. Скучно зимой въ одинокой сторожкѣ. Кругомъ тишь, нарушаемая иногда трескомъ мороза. Кое-когда заѣдетъ въ одинокую сторожку лѣсопромышленникъ, чтобы осмотрѣть лѣсъ, необходимый для постройки самою раннею весной. Поговоритъ лѣсопромышленникъ съ приказчикомъ (онъ-же и сторожъ) о лѣсѣ, о цѣнѣ на него и, даже не слѣзая съ саней, не осматривая деревьевъ, которыя онъ знаетъ такъ-же хорошо, словно самъ рубилъ ихъ, уѣдетъ, оставитъ сторожа на одинокую, монотонную жизнь среди тихаго лѣса.

Гимнъ Рождеству. (Къ рис. на стр 1633.) Наступило Рождество. Тысяча девятьсотъ пять лѣтъ тому назадъ въ Виѳлеемѣ въ скромныхъ ясляхъ родился сынъ Божій, Іисусъ Христосъ. Пастухи первые узнали о рожденіи Спасителя, узнали по тому гимну, который пѣли ангелы, сошедшіе съ небесъ и прославлявшіе рожденіе Божественнаго Младенца. Тимпаны и трубы, и сладчайшіе голоса архангеловъ смутили тишину виѳлеемской ночи, возвѣщая этимъ о пришедшемъ на землю Богочеловѣкѣ, принесшемъ съ Собою и миръ, и благоволеніе.

Рождественское письмо. (Къ рис. на стр. 1647.) Война кончена, а онъ, ихъ кормилецъ, все еще тамъ, въ далекой Манчжуріи, среди ея безбрежныхъ равнинъ; тамъ онъ встрѣтитъ и праздникъ Рождества Христова, быть можетъ, въ холодной землянкѣ, безъ ласки, безъ привѣта, безъ той зеленой елки, которую онъ самъ всегда устраивалъ для своего крошки. Но нѣтъ, онъ, защитникъ русской славы, не забытъ въ своемъ далекѣ. Ему пишутъ письмо, которое онъ получитъ хотя и послѣ Рождества, но изъ письма онъ узнаетъ, что здѣсь, у нихъ, въ тишинѣ скромной комнаты, Рождество встрѣчено съ елкой, правда, маленькой, но все-же съ елкой. Въ этомъ письмѣ шлются въ далекую страну счастливыя пожеланія и просьба поскорѣе вернуться сюда, домой, къ своему одинокому малюткѣ.

Подъ Рождество въ пути. (Къ рис. на стр. 1641.) Давно миновало то время, когда всѣ торопились и стремились встрѣтить праздникъ Рождества дома: пріурочивали къ этому отъѣздъ, заготовляли на станціяхъ лошадей. Теперь не то. Въ поѣздѣ желѣзной дороги можно встрѣтить Рождество съ комфортомъ и удобствомъ, даже лучше иногда, чѣмъ дома. Въ этомъ случаѣ къ услугамъ пассажировъ салонъ-вагонъ съ залитой электрическимъ свѣтомъ елкой, прекрасный буфетъ, отличная сервировка, и пассажиръ, попавшій въ такой вагонъ, въ ночь подъ Рождество не испытываетъ никакихъ неудобствъ для встрѣчи этого великаго праздника.

Амуръ на елкѣ. (Рис. на стр. 1649.)

Вотъ и онъ, амуръ-проказникъ,
Самъ на елку прибѣжалъ;
Безъ него не веселъ праздникъ,
Рождества онъ тоже ждалъ.
Онъ пришелъ веселый, милый.
Радость, счастье онъ даетъ.
Охъ, божокъ ты легкокрылый,
Молодежь тебя вся ждетъ.
Дождалась. И веселъ праздникъ,
Всѣ встрѣчаютъ Рождество,
И съ тобой, амуръ-проказникъ
Веселѣе торжество!..

Петръ I-ый у маркизы Ментенонъ. (Рис. на стр. 1655.) Во время своего заграничнаго путешествія великій преобразователь Россіи посѣтилъ, между прочимъ, и столицу Франціи, Парижъ. Осмотрѣвъ загородные дворцы, Петръ отправился въ С.-Сиръ, чтобы осмотрѣть знаменитую женскую школу, основанную Ментенонъ. Царь посѣтилъ всѣ классы, заставилъ объяснить себѣ всѣ упражненія пансіонерокъ и потомъ навѣстилъ больную Ментенонъ. Впослѣдствіи сенъ-сирская женская школа послужила до нѣкоторой степени образцомъ для Екатерины II при основаніи ею Смольнаго института.

Редакторъ издатель А. А. Каспари. Редакторъ Ник. А. Каспари.

Сканировал reduktorer rutracker.org

ПЕРЕС. НАЛОЖ. ПЛАТ.

БАНКА 1 р. 90 к.

УГРИН ОТЪ ПРЫЩЕЙ И УГРЕЙ

Кожа лица и рукъ дѣлается скоро бѣлой, нѣжной и мягкой

Гл. Петер

С.ПЕТЕРБУРГЪ КАРАВАННАЯ 15 кв 9

СКРИПКИ

въ 2 р., 4 р., 6 р., 8 р., 10 р., 12 р., 15 р. и дороже. Смычки въ 50 к. 1 р., 1 р. 50 к., 2 р., 2 р. 50 к. и дороже.

САМОУЧИТЕЛЬ 1 р.

ГИТАРЫ

Съ механическими колками въ 5 р., 6 р. 50 к., 9 р. 2 р., 15 р. и дороже, съ простыми колками въ 2 р. 50 к. и 4 руб.

САМОУЧИТЕЛЬ 1 р.

БАЛАЛАЙКИ

Съ простыми колками въ 1 р. 75 к. 2 р. 75 к., 3 р. 50 к. съ механич. колками 5 р., 7 р., 10 р., 12 р., 15 р. и дороже.

САМОУЧИТЕЛЬ 75 к.

ГАРМОНІИ

ВѢНСКІЯ съ МѢДНЫМИ планками УГЛЫ МѢХА ОБИТЫ МЕТАЛ.

2-хъ РЯДНЫЯ, 21 клапанъ.

ГОЛОСА НОВАГО СЕРЕБРА

11 р. 13 р. 15 р.

8 бас. 10 бас. 12 бас.

СТАЛЬНЫЕ голоса

16 р. 20 р. 24 р.

8 бас. 10 бас. 12 бас. и дороже.

САМОУЧИТЕЛЬ 1 РУБ.

ВѢНСКІЯ 3-хъ РЯДНЫЯ СЪ МѢДНЫМИ ПЛАНКАМИ УГЛЫ МѢХА ОБИТЫ МЕТАЛЛОМЪ.

ГОЛОСА НОВАГО СЕРЕБРА

31 кл. 12 бас. 26 руб.

36 кл. 12 бас. 30 руб.

СТАЛЬНЫЕ голоса

31 кл. 12 бас. 35 руб.

31 кл. 18 бас. 42 руб.

36 кл. 12 бас. 42 руб.

36 кл. 18 бас. 50 р. 36 кл. 24 бас. 65 р.

САМОУЧИТЕЛЬ 1 РУБ.

РОЯЛЬНЫЯ съ мѣдными планками ОДНОРЯДНЫЯ

ГОЛОСА НОВАГО СЕРЕБРА

11, 12, 13 р. 50 к., 15 р.

СТАЛЬНЫЕ голоса

17, 20, 23, и 28 руб.

ДВУХРЯДНЫЯ голоса новаго серебра 20 руб.

Стальные голоса 30 руб.

САМОУЧИТЕЛИ ПО 1 РУБ.

По полученіи задатка 1/3 стоимости высыл. съ наложеннымъ платежомъ.

И. А. НОВИКОВЪ,

Москва, Срѣтенка.

МУЗЫКАЛЬНЫХЪ ИНСТРУМЕНТ.

Кусъ-курантъ безплатно.

Leichner's Fettpuder

ЖИРНАЯ ПУДРА ЛЕЙХНЕРА. Цѣна: коробка 1 рубль. Пудра для дня и вечера, незамѣтная на кожѣ, косметическое средство для улучшенія красоты кожи. Театральная гримировка. Жирныя румяна и бѣлила. Карандаши для бровей.

Имѣются во всѣхъ косметическихъ и аптекарскихъ магазинахъ Россіи. Л. ЛЕЙХНЕРЪ въ Берлинѣ поставщикъ бельгійскихъ импер. театровъ. Главный складъ для всей Россіи: СПБ. ТЕХНО-Химическ. Лабораторія, С.-Петербургъ, Лиговская 123. 774

НАСТОЯЩЕЕ БЕНЗОЕВОЕ МЫЛО Д-РА ЛЕНГИЛЯ въ ВѢНѢ для БѢЛИЗНЫ, СМЯГЧЕНІЯ и ЧИСТОТЫ КОЖИ

Хорош

НАСТОЯЩЕЕ ТОЛЬКО ЗА ПОД

ВАСИЛІЯ АУРИХЪ въ С.

КАШЕЛЬ и ОХРИП

суть непріятныя послѣдствія холодной погоды сто подвержены. Кто желаетъ избавиться отъ долженъ лечиться Настоящими Файскими Соденскими ками, изготовляемыми подъ руководствомъ врачей цѣлебныхъ источниковъ курорта Соденъ у Таунуса, посредствомъ которыхъ достигаются блестящіе результаты. Объ этомъ свидѣтельствуютъ многочисленные благодарственные отзывы, какъ и проданныя до сихъ поръ 10.000.000 коробокъ. Лепешки получаются во всѣхъ аптекахъ и аптекарскихъ складахъ по 70 к. за коробку. Главное депо: Поставщики Двора Штоль и Шмидтъ, въ С.-Петербургѣ Правленіе для Россіи: Ф. Шарффъ, Варшава, Королевская, 18.

GRANDPRIX Высшая награда на Международной Гигіенической Выставкѣ въ Парижѣ 1905 года 864

Пров. КИНУНЕНА. ЭЛЕОПАТЪ.

СЛАБИТЕЛЬНЫЯ ПИЛЮЛИ ПРОНОСНЫЯ КРОВООЧИСТИТЕЛЬНЫЯ

А АРА А 95 коп.

Слабительныя пилюли Ара нѣжное, безъ боли

дѣйствующее слабительное средство и съ хорошимъ успѣхомъ употребляемое при растройствѣ пищеварительныхъ органовъ

Коробка 95 коп.

ТРЕБУЙТЕ ВЕЗДѢ „ОДОБРИНЪ“

189 только

Михаила ЛЕБЕДЕВА

съ надписью (этикетъ утвержденъ правительствомъ).

Это средство уничтожаетъ въ нѣсколько дней застарѣлыя мозоли и бородавки съ корнемъ.

Иногородн. высылается съ пер. 2 кор. — 1 р. 20 к., 4 кор. — 1 р. 90 к., 6 кор. — 2 р. 60 к. Глав. скл.: С.-Пбургъ, Гороховая, 52, Мих. Лебедевъ.

УТВ. ФАБР. МАРКА.

Сенсаціонная новость!

АРИСТОКРАТИЧЕСКІЯ ИДЕАЛЬНО-БѢЛЫЯ

кто желаетъ имѣть вмѣсто кр стыхъ, пусть употребляет

БРАЗИЛЬСКО

въ видѣ

Sav

ВО

уходъ за ченіе съ помощ Кинунена. Популя д-ра медицины Ю. Э. Фр Высылается желающимъ безпла изъ главнаго склада Элеопата Пров. Кинунена: С.-Петербургъ, Разъѣзжая, 13. 365

ДУХИ ВАСИЛЬКИ Т-во С.ПЕТЕРБУРГСКАЯ ТЕХНО ХИМИЧЕСКАЯ ЛАБОРАТОРІЯ С.ПЕТЕРБУРГЪ

КАРАМЕЛЬ

ИЗЪ ГРУДНЫХЪ ТРАВЪ ОТЪ КАШЛЯ и отдѣленія МОКРОТЪ „КЕТТИ БОССЪ“

Б. Семадени въ Кіевѣ. Главн. складъ у АЛЕКСАНДРА ВЕНЦЕЛЬ. С.-Петербургъ, Гороховая, 33. Цѣна метал. кор. 25 к. Мал. кор. 15 к.

Продается вездѣ.

Графич. завед. «Родины» (А. А. Каспари), С.-Петербургъ, Лиговская ул., соб. д., № 114.

Сканировал reduktorer rutracker.org